

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Вина как обязательный признак субъективной стороны преступления»

Студент

В.А. Лубенец

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, О.Ю. Савельева

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Аннотация

Актуальность исследования. Категория вины в отечественном уголовном праве выступает в качестве одной из базовых, что со всей очевидностью следует из закрепления принципа вины в качестве одного из основополагающих, базовых уголовно правовых принципов. Вина, будучи центральным уголовно правовым институтом, носит комплексный, многоаспектный характер, что обуславливает то пристальное внимание, которое на протяжении многих десятилетий уделяется данному институту в трудах отечественных авторов. Однако, несмотря на всю важность категории вины, в действующем уголовном законодательстве не находят своего нормативного закрепления ключевые понятия, связанные с данным вины, а отдельные аспекты вины, имеющие большое значение для квалификации преступлений, по-прежнему не находят единообразного понимания, что негативно сказывается на правоприменительной практике. Сказанное обуславливает актуальность исследований в обозначенном направлении.

Цель работы: рассмотреть основные проблемы, связанные с институтом вины как обязательного признака субъективной стороны преступления.

Задачи исследования:

- рассмотреть понятие и признаки вины;
- обозначить теоретические подходы к определению форм вины;
- рассмотреть понятие умысла и проанализировать его виды;
- рассмотреть особенности ответственности за преступление с двумя формами вины;
- обозначить особенности неосторожной формы вины.

Структура исследования: работа состоит из введения; трех глав, разделенных на шесть параграфов; заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Вина: понятие, признаки, формы и виды	6
1.1 Понятие и признаки вины	6
1.2 Формы и виды вины	12
Глава 2 Умышленная форма вины	23
2.1 Понятие и виды умысла	23
2.2 Особенности ответственности за преступление с двумя формами вины .	37
Глава 3 Неосторожная форма вины	43
3.1 Преступная небрежность	43
3.2 Преступное легкомыслие	55
Заключение	63
Список используемой литературы и используемых источников	70

Введение

Актуальность исследования. Категория вины в отечественном уголовном праве выступает в качестве одной из базовых, что со всей очевидностью следует из закрепления принципа вины в качестве одного из основополагающих, базовых уголовно правовых принципов в ст. 5 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [69].

Вина, будучи центральным уголовно правовым институтом, носит комплексный, многоаспектный характер, что обуславливает то пристальное внимание, которое на протяжении многих десятилетий уделяется данному институту в трудах отечественных авторов.

Однако, несмотря на всю важность категории вины, в действующем уголовном законодательстве не находят своего нормативного закрепления ключевые понятия, связанные с данным вины, а отдельные аспекты вины, имеющие большое значение для квалификации преступлений, по-прежнему не находят единообразного понимания, что негативно сказывается на правоприменительной практике. Сказанное обуславливает актуальность исследований в обозначенном направлении.

Цель исследования: рассмотреть основные проблемы, связанные с институтом вины как обязательного признака субъективной стороны преступления.

Задачи исследования:

- рассмотреть понятие и признаки вины;
- обозначить теоретические подходы к определению форм вины;
- рассмотреть понятие умысла и проанализировать его виды;
- рассмотреть особенности ответственности за преступление с двумя формами вины;
- обозначить особенности неосторожной формы вины.

Объект исследования: общественные отношения, связанные с институтом уголовной ответственности в российском уголовном праве.

Предмет исследования: уголовно правовые нормы, а также материалы правоприменительной практики, связанные с реализацией законодательных положений, связанных с институтом вины в уголовном праве.

Методология исследования: в основе проведенного исследования лежит метод сравнительного анализа, логико-структурный анализ правовых норм, логический и аналитический метод.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, связанные с различными аспектами вины в уголовном праве, на протяжении многих лет поднимались в работах разных специалистов. Следует выделить труды таких авторов как: А.Б. Баумштейн, А.В. Гребенюк, П.С. Дагель, С.В. Дубовиченко, В.В. Лунеев, В.А. Нерсесян, И.В. Паньков и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения; трех глав, разделенных на шесть параграфов; заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Вина: понятие, признаки, формы и виды

1.1 Понятие и признаки вины

Прежде чем вести речь о вине в уголовном праве, необходимо охарактеризовать исследуемый институт с позиций общей теории права. Определение понятия вины в праве должно отражать основные общие признаки социально-правового института вины. С точки зрения теории права, вина определяется как «психическое отношение деликтоспособного физического лица или лица, уполномоченного на совершение юридически значимых действий от имени и в интересах юридического лица к совершаемому им деянию и его последствиям» [71, с. 95].

Вина как социальное понятие, как отмечается в учебной литературе, «характеризует отношение лица к сложившимся в обществе социальным правилам и обычаям, предъявляемым к нему требованиям. Отрицательное отношение лица к социальным требованиям, правилам и обычаям, проявившееся в совершении им преступления, и определяет социальную сущность вины» [63, с. 109].

В основе такого подхода, лежит материалистическое понимание сознания и поступка, свободы и ответственности, что предполагает восприятие категории вины как элемента объективной реальности.

Примечательно, что нормативное определение вины в действующем УК РФ фактически не содержится, что предопределяет широкую основу для научных дискуссий.

По мнению А.А. Пионтковского, «вина есть умысел и неосторожность, выраженные в совершённом лицом преступлении» [50, с. 51].

А.Ф. Черданцев высказывал мнение о том, что вина представляет собой «психическое отношение субъекта к своим действиям и последствиям, выражающееся в осознании, предвидении, желании наступления вредных последствий» [75, с. 138].

Однако, раскрытие категории «вина» через её формы не позволяет в должной мере понять сущность анализируемого понятия.

А.В. Наумов определяет вину как «психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям в форме умысла и неосторожности» [38, с. 206].

Достаточно содержательно определяет вину В.А. Якушин: «вина обозначает связь внутреннего мира человека с совершаемым противоправным деянием в виде психического отношения к нему в определённых формах и является, в силу этого, одним из оснований субъективного вменения, квалификации содеянного, определения содержания и пределов уголовной ответственности за это деяние» [80, с. 122]. Несмотря на то, что предложенное определение весьма содержательно, автор не включает в его содержание психическое отношение к последствиям деяния, сводя, таким образом, общее уголовно-правовое понятие вины к более узкому – понятию вины лишь применительно к формальным составам уголовно наказуемых деяний.

Отдельные авторы определяют вину как «отношение к уже совершенному общественно опасному деянию и его последствиям (или к совершенному противоправному деянию)» [68, с. 173].

Сказанное вызывает определённые возражения, поскольку обозначенный подход не вполне корректен. Юридическое значение имеет непосредственное отношение лица к совершаемому в текущий момент времени деянию.

Вероятно, такой взгляд на категорию вины в уголовном праве обуславливается привнесением в него психологического аспекта вины. Вина с точки зрения психологической науки – это эмоция, которая является продуктом развития культуры и присущих ей ценностей, которые воплощены в морали и нормах поведения, регулирующих поведение людей в обществе. Это чувство, которое возникает после совершения проступка, осуждаемого обществом.

Как пишет С.Ю. Кораблёва, «основой здесь является сам факт внутреннего переживания чувства вины, которое может иметь объективные основания, а может и не иметь их» [29, с. 23]. При этом, автор делает обоснованный вывод о том, что вина с позиции психологической науки мало подходит для реализации целей законного и обоснованного привлечения субъекта преступления к уголовной ответственности [29, с. 24].

Применительно же к уголовно-правовой науке и вопросу привлечения лица к уголовной ответственности, психологическое понимание вины может рассматриваться лишь как сопутствующий аспект данной категории, практически не влияющий на вопрос уголовного преследования.

В этой связи, вину в уголовно-правовом аспекте следует понимать, как «психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию» [66, с. 31], с учётом того, что последующее психическое отношение лица к уже совершенному им деянию не входит в содержание вины и не влияет на её форму. Такой подход отвечает содержанию исследуемого явления правовой действительности.

Как представляется, в определение категории вины следует включать осознание субъектом общественной опасности совершаемого деяния и его последствий.

Среди учёных дискутируется целесообразность используемого около ста лет в отечественной уголовно-правовой науке и практике оборота «общественная опасность» [79, с. 80]. Соответствующее понятие было обозначено законодателем ещё в нормах Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. В разделе II данного нормативного документа советский законодатель активно использует данный оборот, характеризуя с его помощью преступление (ст. 6), а также лиц, их совершающих (ст. 5) [51].

По мнению Е.В. Юрчак, данный оборот является следствием «стремления оправдать привлечение любого неудобного лица к ответственности», с учётом того, что широкий подход к толкованию категории общественную опасность позволяет считать общественно опасным «любое

деяние, нарушающие социальные нормы, но не нарушающее правовые нормы» [79, с. 80]. Подобной же точки зрения придерживается М.Г. Телкина, которая пишет о том, что «можно буквально определить в качестве опасного для общества деяния любое действие, не имеющее правовых последствий, но наносящее некий урон общественным отношениям, включая нарушение, например, эстетических норм» [60, с. 9]. В качестве альтернативы обороту «общественная опасность» в публикациях предлагается заменить его на оборот «общественная вредность» [26, с. 48]. Причём, данный вопрос ставится как применительно к преступлению, так и применительно к правонарушениям в целом. Тем не менее, в уголовно-правовом смысле, признаком общественной опасности обладают лишь деяния, запрещенные уголовным законом под угрозой наказания, поскольку именно преступления, как самая серьёзная категория правонарушений, посягают на наиболее значимые общественные отношения. Как представляется, применение категории «общественная опасность» в контексте вины в уголовном праве вполне обосновано.

Вызывает дискуссии включение в содержание категории «вина» такого признака, как «противоправность». В частности, отдельные исследователи (Х.И. Шварц [76, с. 25], М.А. Чельцов [74, с. 8] и др.) высказывали в своих работах мнение о том, что вина и противоправность являются синонимичными категориями. Так, М.А. Чельцов писал: «Вина – это противоправное поведение, вызывающее правовое осуждение» [74, с. 8]. Однако, с данным выводом крайне сложно согласиться, в виду того, что предложенное определение вины через противоправное поведение не учитывает субъективную составляющую исследуемой категории. При таком подходе к пониманию вины любое противоправное деяние субъекта «автоматически» становится виновным независимо от психического отношения к содеянному. Есть и иные позиции. Например, по мнению некоторых авторов, «противоправность является составляющей общественной опасности преступления, поэтому упоминать данный признак отдельно нет необходимости» [33, с. 35]. Г.Ф. Цельникер считает, что в категорию «вина» нужно включать «обязательность осознания

правонарушителем противоправности деяния» [72, с. 10]. Однако подобное допущение приводит к парадоксальному выводу: если лицо, совершая противоправное посягательство, не осознаёт противоправность своего деяния – отсутствует вина и основание для его привлечения к уголовной ответственности. Другими словами, незнание закона будет освобождать от ответственности. Но это не соответствует существующим концептуальным основам ответственности в отечественном уголовном праве и уголовном законодательстве. Далек не каждый индивид обладает юридическими познаниями и далеко не каждое обозначенное в УК РФ в качестве преступления деяние будет очевидным с точки зрения оценки его противоправности. Поэтому с указанным суждением вряд ли можно согласиться.

Есть мнение, что в «психическом отношении лица к совершаемому им общественно-опасному деянию и его последствиям выражается отрицательное субъективное отношение лица к ценностям общества, что составляет сущность вины и определяет ее степень» [79, с. 81]. Таким образом, цитируемый автор делает вывод о том, что в определении понятия вины необходимо подобное указание «так как данный признак отражает сущность вины и служит важнейшим критерием определения ее степени» [79, с. 81]. Однако, Е.В. Юрчак, судя по всему, несколько смешивает вину с иными элементами субъективной стороны преступления – отрицательное субъективное отношение к ценностям общества, как «движущая» сила, обуславливающая совершение противоправного посягательства, будет выступать мотивом противоправного поведения, а не составляющей категории вины. Исходя из такого авторского подхода становится непонятным, как быть с преступлениями, совершаемыми по неосторожности? В подобных случаях вести речь об отрицательном субъективном отношении к ценностям общества невозможно. Кроме того, даже вполне конкретный законодательно определённый негативный мотив в редких случаях является обязательным элементом состава преступления, тогда как вина имеет место в любом случае.

Устанавливать в рамках понятия вины неразрывную связь между данной категорией и мотивацией преступного поведения не целесообразно.

В соответствии с традиционным устоявшимся в теории уголовного права подходом, вина характеризуется двумя ключевыми признаками: интеллектуальным и волевым, которые связаны с сознанием и свободной волей субъекта.

Интеллектуальный критерий заключается в способности лица осознавать общественно опасный характер совершаемого им деяния (для формальных составов), а также предполагает возможность предвидения общественно опасных последствий преступных действий или преступного бездействия (для материальных составов). Отдельные авторы говорят о том, что интеллектуальный элемент также характеризует способность лица «понимать, как фактическую сторону совершаемого деяния, так и его социальный смысл» [9, с. 28].

Волевой критерий – выражает отношение виновного к совершаемому общественно опасному деянию и его последствиям и «характеризует способность лица принимать и осуществлять принятые решения, умение регулировать свое поведение (совершить определенные действия или воздержаться от них) и определять направленность поступков» [10, с. 143].

Этот критерий реализуется в виде желания, сознательного допущения или нежелания наступления общественно опасных последствий деяния.

Безусловно, данные критерии неразрывно связаны с теми качествами, которыми должно обладать лицо для того, чтобы выступить в качестве субъекта преступления. Отсутствие даже одного из обозначенных качеств не позволяет вести речь о вине лица, как уже было ранее отмечено.

Опираясь на анализ разнообразных подходов к определению вины в уголовном праве, а также учитывая базовые концептуальные подходы, под виной в уголовном праве следует понимать психическое сознательно-волевое отношение физического лица к совершаемому им общественно опасному

деянию (действию или бездействию) и наступившим общественно опасным последствиям.

Не менее важным с точки зрения теории и практики является вопрос определения форм и видов вины в российском уголовном праве.

1.2 Формы и виды вины

Форма вины является комплексным явлением правовой действительности, включающим в себя предусмотренное уголовным законом сочетание интеллектуальных и волевых составляющих.

Данный составляющие образуют содержание категории вины.

Формы вины отличаются друг от друга способами интеллектуально-волевого взаимодействия с объективной действительностью, в контексте противоправного деяния.

О характере разновидностей форм вины, можно сделать вывод исходя из содержания ч. 1 ст. 24 УК РФ: «виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности» [69].

Таким образом, законодателем установлены две формы вины: умысел и неосторожность, которые, в свою очередь, подразделяются на отдельные виды.

Обе обозначенные в уголовном законе формы вины, являясь разновидностями единой категории вины, обладают специфические особенностями, существенным образом влияющими как на непосредственную квалификацию противоправного деяния, так и на последующую индивидуализацию уголовной ответственности и наказания судом, рассматривающим и разрешающим уголовное дело по существу.

Умысел и неосторожность, как формы вины, отличаются друг от друга по своим интеллектуально-волевым особенностям.

Говоря об интеллектуальном аспекте разграничения форм вины, представляется верным вывод о том, что «при умысле виновный предвидит

возможность (прямой и косвенный умысел) или неизбежность (прямой умысел) наступления общественно опасных последствий, то при небрежности он этих последствий не предвидит, а при легкомыслии хотя и предвидит эту возможность, но не считает ее реальной» [66, с. 759].

Еще более существенные различия характерны для волевого критерия. Если при прямом умысле субъект желает наступления общественно опасных последствий, а при косвенном сознательно их допускает или относится к ним безразлично, то при легкомыслии он самонадеянно рассчитывает на их предотвращение, а при небрежности, не проявив должной внимательности и предусмотрительности, не предвидит общественно опасных последствий.

Разделение категории вины на отдельные формы имеет не только научное значение – в первую очередь, выделение форм вины преследует практические цели, связанные с обоснованным и справедливым реагированием на противоправные деяния, с учётом их характера и общественной опасности. Конкретизация формы вины делает возможным отграничение деяние преступного от деяния, не являющегося таковым. Так, например, лишь в умышленной форме можно совершить деяние, предусмотренное ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства». Уголовная ответственность лица, которое ненамеренно стало причиной самоубийства другого человека, исключается.

Адекватная и справедливая квалификация уголовно наказуемого деяния строится, зачастую, в соответствии с формой вины. На основе этого законодатель производит дифференциацию ответственности и наказания за содеянное. Например, причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) является преступлением небольшой тяжести, в связи с чем законодатель предусматривает для виновного в данном деянии максимальный размер наказания в виде двух лет лишения свободы. В то же время убийство (ст. 105 УК РФ), умышленное деяние с аналогичным результатом в виде лишения жизни другого человека, является особо тяжким преступлением. Соответственно по ч. 1 ст. 105 УК РФ предусмотрено наказание до пятнадцати

лет лишения свободы, а по ч. 2 ст. 105 УК РФ – самые строгие виды уголовных наказаний – пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

Форма вины также в обязательном порядке подлежит учёту, при классификации преступлений по степени тяжести. Так, на основании ст. 15 УК РФ, неосторожные преступления не могут относиться к особо тяжким преступлениям.

Форма вины всегда учитывается судом при дифференциации и индивидуализации уголовного наказания и определении условий его отбывания лицом, признанным виновным в совершении преступления.

Умысел и неосторожность, как формы вины, разделяются на отдельные виды. В соответствии со ст. 26 УК РФ умысел может быть прямым и косвенным.

Неосторожность, в соответствии с положениями ст. 26 УК РФ подразделяется на легкомыслие и небрежность.

Прямой и косвенный умысел, как уже было ранее отмечено, являются разновидностями одной и той же формы вины – умысла.

В соответствии ч. 2 ст. 25 УК РФ, «преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления».

То есть интеллектуальный момент вины при прямом умысле характеризуется:

- осознанием общественной опасности своих действий (бездействия);
- предвидением возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий.

В то время, как волевой момент вины в данном случае характеризуется желанием наступления общественно опасных последствий.

Если же лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных

последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично, то преступление совершено с косвенным умыслом. Таким образом, основное разграничение прямого и косвенного умысла лежит в волевом моменте.

Неосторожность подразделена законодателем на легкомыслие и небрежность. Преступное легкомыслие предполагает, что лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий (ч. 2 ст. 26 УК РФ). При небрежности лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия.

Интеллектуальная составляющая неосторожной формы вины, применительно к двум её разновидностям, характеризуется тем, что у субъекта нет субъективного осознания реальной общественной опасности своих действий и реального предвидения негативных последствий в текущей ситуации, а волевой компонент выражается в отрицательном отношении к негативным последствиям, при котором лицо либо их не предвидит вообще, либо предвидит, но пытается избежать их наступления.

Следует отметить, что законодатель далеко не всегда прямо называет соответствующую форму и вид вины в конструкции конкретного состава преступления. Это зависит от частных и используемых формулировок.

В отдельных статьях Особенной части УК РФ законодатель прямо конкретизирует форму вины не только в диспозиции, но и в самом наименовании статьи – например, ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности». Это наиболее удобный для правоприменителя вариант, поскольку он не связан с необходимостью обращаться к доктринальному, или судебному толкованию.

К сожалению, законодатель далеко не всегда предельно конкретно определяет форму вины в рамках диспозиции состава преступления. Зачастую, конкретизация отсутствует, а, значит, о наличии соответствующей формы вины можно судить по косвенным признакам – например, опираясь на указанные в диспозиции статьи Особенной части УК РФ цель или мотив преступления. Однако, в мнениях среди специалистов по данному вопросу отсутствует единство. Одни авторы утверждают, что указание на мотив и цель при описании состава преступления, указывает, что «такое деяние может быть совершено только с прямым умыслом» [66, с. 760]. В отдельных работах высказывается мнение о том, что «категория мотива и цели применимы и к преступлениям с косвенным умыслом и даже к неосторожным деяниям» [31, с. 441]. В рассматриваемом контексте А.Б. Баумштейн верно замечает, что применительно к преступлениям с косвенным умыслом и неосторожным деяниям правильнее говорить «не о мотиве и цели, а о мотивации поведения» [4, с. 72]. Д.А. Гарбатович и А.Н. Классен также подчёркивают, что «мотив и цель при квалификации преступлений имеют уголовно-правовое значение только в преступлениях, совершаемых умышленно. Несмотря на то, что поведение лица при неосторожном преступлении также является мотивированным или целенаправленным, тем не менее, законодатель не придает их наличие в указном деянии квалифицирующего значения» [8, с. 14].

Как представляется, мотивация действительно лежит в основе любой деятельности человека, но уголовно-правовая цель, как конкретизированный образ о желаемом результате, к которому стремится индивид, отсутствует при косвенном умысле и неосторожной форме вины.

Таким образом, следует согласиться с той точкой зрения, в соответствии с которой указание законодателя в диспозиции статьи на конкретную цель преступления свидетельствует о том, что данный состав уголовно наказуемого деяния предполагает умышленную форму вины, причём в виде прямого умысла.

Также следует сказать, что описание характера и содержания действий, использование категорий «заведомость», «злостность» в конструкции состава преступления, также говорят об умышленной форме вины, как составляющей субъективной стороны деяния.

Целям установления формы вины в конкретных составах преступления служит ч. 2 ст. 24 УК РФ. В соответствии с первоначальной редакцией ч. 2 ст. 24 УК РФ «деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». Подобная формулировка цитируемой нормы стала причиной проблем регулирования в указанном вопросе, поскольку законодателю не удавалось должным образом согласовать статьи Особенной части УК РФ с обозначенным предписанием. В конечном итоге, Федеральным законом от 20.06.1998 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в ч. 2 ст. 24 УК РФ было внесено изменение. В новой редакции формулировка стала следующей: «Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ» [70].

Таким образом, если, характеризуя состав преступления в диспозиции статьи, федеральный законодатель не внёс определённости, относительно формы вины, то, априори, следует считать, что форма вины может быть только умышленной или умышленной и неосторожной. В.А. Нерсисян в этой связи отмечает: «Такая дефиниция в определенной мере изменила положение к лучшему. Теперь в преступлениях, при описании которых законодатель не указывает, что они совершаются по неосторожности, возможна как умышленная, так и неосторожная форма вины в отношении наступивших последствий» [41, с. 149]. Несмотря на общее ободрение внесённого изменения, отдельными авторами высказаны критические замечания: «Это, однако, вызывает серьезные сомнения. Во-первых, совершенно необъяснимо, почему умышленные и неосторожные деяния наказываются одинаково. Во-

вторых, непонятно чем руководствовался законодатель, когда избирал непозволительно мягкое наказание за причинение умышленного вреда» [23, с. 21]. А.И. Рарог также обозначил следующее мнение: «Законодатель, изменив редакцию ч. 2 ст. 24 УК РФ, не привел в соответствии с нею Особенную часть УК РФ. Во многих нормах Особенной части УК РФ отсутствует указания на неосторожную форму вины, а значит, признание возможности умышленного совершения соответствующих преступления явно не соответствует санкциям, установленным за эти преступления» [56, с. 85]. В конечном итоге, анализируемый подход законодателя не решил проблему противоречий между предписаниями ч. 2 ст. 24 УК РФ и рядом уголовно правовых норм Особенной части УК РФ.

В научных публикациях звучат предложения о дальнейшей корректировке ч. 2 ст. 24 УК РФ. В частности, отдельные специалисты предлагают исключить ч. 2 ст. 24 УК РФ из Общей части УК РФ.

Так, О.В. Стрилец отмечает: «Смысловое содержание данной нормы уже закреплено в ст. 3, 8 и ч. 1 ст. 24 УК РФ, ее существование в уголовном законодательстве только усложняет вопрос о неосторожной форме вины, вызывает иллюзию о наличии некоего независимого основания уголовной ответственности для лиц, виновных в деяниях, совершенных по неосторожности, соответственно, ч. 2 ст. 24 УК РФ целесообразно исключить» [59, с. 323].

Для возможного устранения существующей сложности в составах преступлений, которые могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности, следует указать на то, что форма вины определяется судом в зависимости от обстоятельств дела. Также, применительно к анализируемым формам вины следует отметить, что «при конструировании преступления с материальным составом умысел и неосторожность определяются психическим отношением к общественно опасным последствиям, т.е. к признаку, в котором наиболее сконцентрирована общественная опасность деяния» [57, с. 14].

В формальных составах преступления, где последствия не являются обязательным признаком объективной стороны, психическое отношение к последствию либо отсутствует, либо не влияет на форму вины. Как верно замечено П.С. Дагелем и Д.П. Котовым, «в формальных составах преступления умысел и неосторожность устанавливается исключительно лишь к общественно опасному действию (бездействию)» [13, с. 80].

Опираясь на анализ разнообразных подходов к определению вины в уголовном праве, а также учитывая базовые концептуальные подходы, под виной в уголовном праве следует понимать психическое сознательно-волевое отношение физического лица к совершаемому им общественно опасному деянию (действию или бездействию) и наступившим общественно опасным последствиям.

Не менее важным с точки зрения теории и практики является вопрос определения форм и видов вины в российском уголовном праве. Проанализированные категории, как представляется, имеют огромное значение как для уголовно-правовой науки, так и для правоприменения.

Относительно дискуссии о том, какую форму и какой вид вины предполагает указание в диспозиции статьи Особенной части УК РФ на мотив и цель преступления, следует сделать вывод о том, что мотивация лежит в основе любой деятельности человека, но уголовно-правовая цель, как конкретизированный образ о желаемом результате, к которому стремится индивид, отсутствует при косвенном умысле и неосторожной форме вины. Соответственно, указание в диспозиции статьи на конкретную цель преступления предполагает наличие лишь прямого умысла.

Отсутствие должной согласованности между ч. 2 ст. 24 УК РФ и нормами Особенной части УК РФ, обсуждаемой в науке, следует скорректировать путём внесения нормативных изменений. Для возможного устранения существующей сложности в составах преступлений, которые могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности, следует

указать на то, что форма вины определяется судом в зависимости от обстоятельств дела.

В завершении первой главы работы, сделаем выводы и обозначим основные опорные моменты.

Вина с точки зрения психологической науки – это эмоция, которая является продуктом развития культуры и присущих ей ценностей, которые воплощены в морали и нормах поведения, регулирующих поведение людей в обществе. Это чувство, которое возникает после совершения проступка, осуждаемого обществом. Однако, вина с позиции психологической науки мало подходит для реализации целей законного и обоснованного привлечения субъекта преступления к уголовной ответственности.

В контексте вины, среди учёных дискутируется целесообразность используемого около ста лет в отечественной уголовно-правовой науке и практике оборота «общественная опасность».

В качестве альтернативы обороту «общественная опасность» предлагается заменить его на оборот «общественная вредность», причём, данный вопрос ставится как применительно к преступлению, так и применительно к правонарушениям в целом.

Тем не менее, в уголовно-правовом смысле, признаком общественной опасности обладают лишь деяния, запрещенные уголовным законом под угрозой наказания, поскольку именно преступления, как самая серьёзная категория правонарушений, посягают на наиболее значимые общественные отношения. Как представляется, применение категории «общественная опасность» в контексте вины в уголовном праве вполне обосновано.

Вызывает дискуссии включение в содержание категории «вина» такого признака, как «противоправность». Использование данной категории качестве обязательного признака вины не соответствует существующим концептуальным основам ответственности в отечественном уголовном праве и уголовном законодательстве. Далеко не каждый индивид обладает юридическими познаниями и далеко не каждое обозначенное в УК РФ в

качестве преступления деяние будет очевидным с точки зрения оценки его противоправности. Поэтому с указанным суждением вряд ли можно согласиться.

В соответствии с традиционным устоявшимся в теории уголовного права подходом, вина характеризуется двумя ключевыми признаками: интеллектуальным и волевым, которые связаны с сознанием и свободной волей субъекта. Данные критерии неразрывно связаны с теми качествами, которыми должно обладать лицо для того, чтобы выступить в качестве субъекта преступления. Отсутствие даже одного из обозначенных качеств не позволяет вести речь о вине лица. Форма вины является комплексным явлением правовой действительности, включающим в себя предусмотренное уголовным законом сочетание интеллектуальных и волевых составляющих. Обе обозначенные в уголовном законе формы вины, являясь разновидностями единой категории вины, обладают специфические особенностями, существенным образом влияющими как на непосредственную квалификацию противоправного деяния, так и на последующую индивидуализацию уголовной ответственности и наказания судом, рассматривающим и разрешающим уголовное дело по существу. Разделение категории вины на отдельные формы имеет не только научное значение – в первую очередь, выделение форм вины преследует практические цели, связанные с обоснованным и справедливым реагированием на противоправные деяния, с учётом их характера и общественной опасности.

Наличие в нормах УК РФ категорий «форма вины» и «виды вины» позволяет:

- отграничить от преступного деяния, деяние, не являющееся таковым;
- разграничить противоправные деяния, сходные по объективным признакам, но различные по форме вины, обеспечив правильную квалификацию преступления;
- определить категории преступления наряду со степенью общественной опасности;

- дифференцировать уголовную ответственность, обеспечив справедливое реагирование на противоправные деяния, с учётом формы вины, во многом определяющей характер и общественную опасность соответствующего деяния;
- индивидуализировать уголовную ответственности и наказание судом;
- осуществить выбор исправительного учреждения для лица, признанного виновным судом, с учётом формы вины и т.д.

Следует отметить, что законодатель далеко не всегда прямо называет соответствующую форму и вид вины в конструкции конкретного состава преступления. Это зависит от частных и используемых нормативных формулировок. Когда конкретизация отсутствует, о наличии соответствующей формы вины можно судить по косвенным признакам – например, опираясь на указание в диспозиции статьи Особенной части УК РФ на цель или мотив преступления и т.д. Относительно дискуссии о том, какую форму и какой вид вины предполагает указание в диспозиции статьи Особенной части УК РФ на мотив и цель преступления, следует сделать вывод о том, что мотивация лежит в основе любой деятельности человека, но уголовно-правовая цель, как конкретизированный образ о желаемом результате, к которому стремится индивид, отсутствует при косвенном умысле и неосторожной форме вины.

Соответственно, указание в диспозиции статьи на конкретную цель преступления предполагает наличие лишь прямого умысла.

Далее уделим внимание анализу вопросов, связанных с умышленной формой вины в уголовном праве.

Глава 2 Умышленная форма вины

2.1 Понятие и виды умысла

Абсолютное большинство противоправных деяний, обозначенных в Особенной части УК РФ могут быть совершены лишь умышленно, что является естественным и закономерным, поскольку противоправные действия, как правило, являются осознанным актом вменяемого физического лица, достигшего возраста уголовной ответственности.

Противоправные деяния, совершённые субъектом умышленно, безусловно, выступают более опасными по своему характеру, чем деяния, которые предполагают неосторожную форму вины. Этот момент находит своё отражение, в частности, в ст. 15 УК РФ – в данной норме законодатель относит к числу тяжких и особо тяжких преступлений исключительно умышленные деяния.

Как уже было указано ранее, умысел подразделяется на прямой и косвенный умысел.

Исходя из диспозиции ст. 25 УК РФ, выделяются и раскрываются только виды умысла:

«Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления.

Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично» [69].

В науке высказываются различные предложения, связанные с определением умышленной формы вины. Например, Д.П. Потапов считает,

что «преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, предвидело преступные изменения в общественных отношениях, вызванные деянием, желало их либо сознательно допускало» [53, с. 89]. В данном определении автором не указан интеллектуальный компонент умысла – осознание общественной опасности, что можно расценить, как недостаток. М.И. Еникеев в своей работе указывает: «Умысел – это форма вины, характеризующаяся преступными целями, способами и результатами деяния» [19, с. 80]. В данной авторской точке зрения разграничение умысла и неосторожности поставлено в зависимость от субъективного мнения правоприменителя, что может приводить к ошибочной квалификации. И.В. Паньков считает, что «преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своего деяния, а также его фактические обстоятельства, предусмотренные настоящим Кодексом в качестве признаков состава преступления, предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия) и желало их наступления» [48, с. 10]. В предложенной дефиниции указание на осознание фактических обстоятельств, предусмотренные УК РФ, представляется чрезмерным. А.Д. Чанышев пишет: «Преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), то есть, приступая к их выполнению, не исключало, что результатом их совершения станет преступление» [73, с. 8]. Подобная формулировка также вряд ли может быть применима, так как автор не дифференцирует прямой и косвенный умысел, что лишает предложенное определение содержательности.

Наиболее приемлемым представляется следующее определение умысла: «Умысел – это осознание лицом характера и степени общественной опасности и уголовной противоправности своего деяния, определяющее положительно-волевое отношение к нему» [16, с. 56]. Однако, в указанном определении фигурирует авторское указание на осознание «уголовной противоправности»

деяния, что не укладывается в общую концепцию вины, о чём уже было сказано ранее. Лицо, не обладающее правовыми познаниями, вряд ли способно осознавать уголовную противоправность деяния (как не может осознать в полной мере административную противоправность деяния и т.д.) Включение подобного элемента в определение умысла приведёт к тому, что умышленным нельзя будет считать деяние, при совершении которого субъект не осознавал уголовную противоправность своих действий (своего бездействия). В остальном же приведённое авторское определение умысла приемлемо.

В соответствии с ч. 2 ст. 25 УК РФ прямой умысел выражается в трех признаках:

- в осознании лицом общественной опасности своих действий (бездействий);
- в предвидении возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий;
- в желании наступления общественно опасных последствий.

Косвенный же умысел выражается:

- в осознании лицом общественной опасности своих действий (бездействия);
- в предвидении возможности наступления общественно опасных последствий;
- в нежелании, но сознательном допущении общественно опасных последствий либо в безразличном к ним отношении.

Рассмотрим эти признаки подробно.

Первый интеллектуальный признак прямого и косвенного умысла совпадают и заключаются в осознании общественной опасности своих действий (бездействий).

Осознание является отражением объективной действительности в форме идеальных, умственных образов, связанное со способностью индивида постигать смысл действий, явлений и закономерностей окружающего мира. Предметом осознания, как признака умышленной формы вины, выступает

само уголовно наказуемое деяние, как комплекс объективных элементов, из которых деяние состоит. Б.С. Никифоров справедливо отмечал, что «осознание одних только фактических элементов не может обосновать ответственности лица за умышленное преступление» [44, с. 27]. Осознание субъектом противоправного деяния его общественной опасности должно включать в себя оценку социальной сущности данного деяния, что напрямую связано с общественной опасностью, как категорией. Осознание общественной опасности преступления предполагает понимание виновным того, что его поведение, имеющее противоправное содержание, оценивается обществом. Такой оценке подвергается любая социально значимая активность людей с точки зрения морали и права. Но юридическое значение имеет только оценка с позиции действующего правового регулирования. Осознание общественной опасности деяния, представляет собой понимание лицом их социальной оценки, и, при этом, такую оценку не следует смешивать с судебной оценкой виновности противоправных действий.

Таким образом, предметом осознания при умышленном деянии выступает фактическое содержание такого деяния и его социальное значение.

Общественно опасное деяние, с учётом своих объективных свойств и качеств, обладает способностью причинить вред объекту уголовно правовой охраны, что должно охватываться осознанием субъекта, действующего с умыслом на совершение преступления. В этой связи, вряд ли возможно поддержать авторов, полагающих, что «при умысле объект преступления может и не охватываться сознанием виновного» [30, с. 30], поскольку без такого осознания нельзя, по сути, вести речь об осознании общественной опасности посягательства.

С позиций знаний современной уголовно-правовой науки и практики, субъект преступления, действуя умышленно, может не осознавать, какой же именно объект уголовно-правовой охраны подвергается ущербу, но, обладая общим уровнем развития, свойственным вменяемому и дееспособному

индивиду, он должен в общем и целом осознавать, что причиняет вред охраняемым уголовным законом интересам.

Способность осознавать наличие общественной опасности деяния не связана с правовыми познаниями, а основывается на общесоциальных представлениях вменяемого и достигшего определённого возраста индивида, сформированных путём социализации и является закономерным элементом жизненного опыта.

Вторым интеллектуальным признаком умысла является возможность лица предвидеть наступление общественно опасных последствий. Содержание такого предвидения дифференцируется в зависимости от разновидностей умысла: так при наличии прямого умысла индивид предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, а при косвенном умысле предвидит только возможность их наступления, с учётом формулировок, использованных законодателем в ч. 2 и ч. 3 ст. 25 УК РФ.

Как указывается в литературе, «при конструкции преступления с материальным составом появляется необходимость устанавливать указанный признак, а также при совершении деяний, повлекших за собой дополнительные негативные последствия, как отягчающий признак конкретного деяния» [36, с. 162]. Отдельные специалисты, в особенности в период действия советского уголовного законодательства, отождествляли осознание и предвидение, что не представляется верным. Это отдельные, хотя и связанные друг с другом, психические явления. Осознание является основой для предвидения, но не идентично ему.

В словаре русского языка категория «осознать» понимается как «полностью довести до своего сознания, понять» [46, с. 397]; категория «предвидеть» понимается как «заранее учитывать, предполагать возможность появления, наступления чего-нибудь» [46, с. 500].

Осознание, как способность к пониманию событий и явлений, выступает базисом для предвидения, как результата осознанной, мыслительной деятельности индивида.

Говоря о соотношении осознания и предвидения, А.И. Рарог отмечает, что под осознанием «имеется в виду отражение в психике человека реальных фактов и обстоятельств, имеющих место в настоящее время, а под предвидением понимается продукт опережающей деятельности человеческого интеллекта, т.е. отражение тех событий, которые произойдут, должны или могут произойти в будущем» [56, с. 48].

Совершённым умышленно считается преступление, совершение которого сопряжено у виновного с субъективным предвидением с наступлением негативных последствий, как результата его деяния. Наряду с этим, как подчёркивают отдельные авторы, «точность предвидения зависит от личности лица, осуществляющего предвидение, его аналитических способностей и иных характеристик» [21, с. 22]. По мнению И.В. Панькова, «предвидение последствий всегда предполагает ее осознание и без этого невозможно. Поэтому осознание причинной связи, как и предвидение последствий, когда они предусмотрены составом преступления, образуют предметное содержание умысла. Для установления умысла не требуется точного представления механизма причинной связи, достаточно его осознания в общих чертах» [49, с. 212].

Как указывалось ранее, предвидение при прямом и косвенном умысле различаются по своему характеру: при прямом умысле лицо предвидит неизбежность или возможность наступления общественно опасных последствий, а предвидение одной лишь возможности наступления общественно опасных последствий характеризует косвенный умысел.

При прямом умысле предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий означает, что субъект не осознаёт наличия каких-либо препятствий для наступления общественно опасных последствий деяния (даже если они объективно существуют) и, более того, считает, что

данные последствия обязательно наступят, исходя из объективных предпосылок и собственного желания. Прямой умысел предполагает активное желание субъекта преступления достичь общественно опасного последствия своего деяния. Так, лицо, осуществляя прицельный выстрел в жизненно важный орган (например, в голову жертвы), предвидит неизбежность наступления смерти в силу характера своих действий и объективных предпосылок наступления последствий от таких действий.

Предвидение одной лишь возможности наступления общественно опасных последствий предполагает, что субъект преступления осознает, что своими действиями он создаёт обстоятельства, при которых негативные последствия вполне могут иметь место, но могут не наступить в силу каких-либо объективных или субъективных обстоятельств. То есть, реальность наступления общественно опасных последствий носит более абстрактный характер, чем при прямом умысле. И.В. Паньков верно замечает, что «отличительной чертой возможности наступления общественно опасных последствий при прямом умысле является то, что лицо предвидит реальную, а не абстрактную возможность их наступления» [49, с. 218]. Так, субъект преступления, производя выстрел со значительного расстояния, предвидит возможность наступления смерти, что зависит от различных факторов (надёжности используемого оружия, силы ветра, освещённости и т.д.). Тем не менее, такие последствия предвидятся как реально возможные. Как верно отмечает в своём исследовании С.В. Дубовиченко, «предвидение возможности общественно опасных последствий при косвенном умысле отличается от прямого умысла. Она состоит в том, что при косвенном умысле предвидение включает в себя несколько альтернативных последствий, в доктрине уголовного права они получили названия главного и побочного» [14, с. 162]. Относительно главного последствия, С.В. Кораблёв указывает, что таковым является то последствие, к которому «виновный стремится при осуществлении своих действий в каждом конкретном случае.

При косвенном умысле устанавливается побочное последствие, которое не является целью противоправной деятельности виновного, к достижению которого он не стремится. Однако такое последствием может наступить одновременно с главным последствием и непосредственно после него» [27, с. 98]. При косвенном умысле предвидимые общественно опасные последствия всегда являются побочными. Возможность наступления последствий характеризуется присутствием момента неопределённости. Определённость же, связанная с неизбежностью наступления общественно опасного последствия, говорит об однозначности наступления такового.

Волевой признак умысла при прямом умысле характеризуется желанием наступления общественно опасных последствий, при косвенном умысле в сознательном допущении или безразличном отношении лица к опасным последствиям. И то и другое означают одобрительное, положительное отношение к наступлению общественно опасных последствий.

Желание наступления общественно опасных последствий образует волевой признак прямого умысла. Категория «желание» понимается как «влечение, стремление к осуществлению чего-нибудь» [46, с. 164]. То есть, очевидна органическая связь желания с постановкой цели, будучи целенаправленным стремлением. Отдельные авторы указывают, что «желаемыми следует считать не только последствия, доставляющие виновному внутреннее удовлетворение, вызывающие у него чувство удовольствия. Желаемыми также являются и такие последствия, которые при внутренне отрицательном эмоциональном отношении к ним виновного представляются ему, тем не менее, нужными или неизбежными на пути к удовлетворению потребности, ставшей побудительным мотивом к действию» [7, с. 128].

При оценке взаимосвязи последствий с целями, можно отметить, что для субъекта преступления последствия становятся желаемыми, если они выступают:

- конечной целью действий (бездействий);

- необходимым средством для достижения (промежуточная) конечной цели;
- определенным этапом достижения конечной цели.

А.И. Рарог считает, что «для прямого умысла характерно то, что желательное общественно опасное последствие совпадает с конечной целью деяния (убийство из ревности) или промежуточной целью в процессе достижения конечной цели (причиняет вред здоровью в разбое, чтобы облегчить тем самым последующее завладение его имуществом) или же когда конечная цель достигается поэтапно для достижения конечной цели (систематический вынос с территории завода частей готовой конструкции – телевизора и т.д.)» [54, с. 58]. Так, прямой умысел можно проиллюстрировать на следующем примере. А. осуждён за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ: «находясь в состоянии алкогольного опьянения, А., из-за личных неприязненных отношений с потерпевшим С, вооружившись огнестрельным нарезным оружием, собранным самодельным способом, осознавая общественно-опасный характер своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно-опасного последствия в виде смерти С. и желая этого, прицелившись в С. умышленно произвел из вышеуказанного оружия один выстрел в область грудной клетки» [22].

Таким образом, констатация в данном примере прямого умысла закономерна и соответствует объективному характеру указывающих на форму умысла элементов деяния.

Волевой момент при косвенном умысле существенно отличается от прямого умысла и выражается нежеланием, но сознательным допущением или безразличным отношением к наступлению общественно опасных последствий.

В отличие от прямого умысла лицо, действующее с косвенным умыслом, не желает наступления общественно-опасных последствий, т.е. они не являются ни конечной, ни промежуточной целью деяния.

Отсутствие у лица желания, чтобы предвиденные общественно опасные последствия его действий наступили, может быть связано с безразличным отношением, или в сознательном допущении.

При косвенном умысле лицо сознательно допускает или безразлично относится наступлению общественно опасных последствий. Под сознательным допущением надо понимать не мыслительный процесс, при котором лицо сознает несколько вариантов развития события, в том числе и вариант, связанный с вредным результатом. Сознательное допущение означает, что виновный своими действиями вызывает определенную цепь событий и при этом сознательно, т.е. намеренно, допускает объективное развитие вызванных им событий и наступление общественно опасных последствий. Сознательное допущение возможности наступления преступных последствий имеется до тех пор, пока субъект не рассчитывает на определенные обстоятельства, которые должны, по его мнению, отклонить наступление общественно опасных последствий.

Как указывает Ю.В. Юрчак, «сознательное допущение преступного последствия будет и тогда, когда лицо, не желая его наступления, рассчитывает лишь на «авось», на какую-либо случайность, благодаря которой предвиденное им преступное последствие может не наступить. Надеяться на «авось» – значит ни на что не надеяться. Поэтому следует признать, что в этих случаях лицо сознательно допускает наступление преступных последствий» [78, с. 23].

Волевое содержание косвенного умысла может проявиться и в безразличном отношении лица к общественно опасным последствиям действий (бездействий). В этимологическом смысле «безразличный» определяется как «равнодушный, безучастный либо не имеющий существенного значения, не представляющий интереса» [46, с. 267].

Безразличное отношение к вредным последствиям означает отсутствие активных эмоциональных переживаний в связи с общественно опасными последствиями, реальная возможность наступления которых отражается

опережающим сознанием виновного. В этом случае субъект причиняет вред общественным отношениям, что называется, «не задумываясь» о последствиях совершаемого деяния, хотя возможность их причинения представляется ему весьма реальной.

Осознавать общественную опасность совершаемого деяния, при умышленной форме вины, субъект преступления должен в первую очередь. Этот признак умысла выступает главенствующим. Предвидение основывается на общих прогностических способностях субъекта противоправного посягательства. Однако, возможность предвидения последствий по отношению к разным видам умышленной формы вины, будет отличаться своей степенью – максимальная степень предвидения, конечно же, будет иметь место при прямом умысле.

Различные виды умысла отличаются друг от друга и по содержанию волевой составляющей.

То, как законодатель сформулировал норму, характеризующую умысел, как форму вины, позволяет сделать вывод о том, что существующий подход наиболее содержательно применим к категории материальных составов преступления, поскольку они предполагают наличие общественно опасных последствий. С формальными составами, где наказуемость связана с совершением действий, входящих в объективную сторону состава преступления, существующая формулировка ст. 25 УК РФ согласуется несколько хуже, чем с материальными составами. В частности, С.П. Новосельцев утверждает, что «при установлении вины в формальных составах преступления ст. 25 УК РФ не должна применяться, так как она направлена на определение отношения виновного к последствиям, которых на самом деле нет» [45, с. 71]. С таким подходом согласиться сложно, поскольку ст. 25 УК РФ имеет универсальный характер и распространяется на весь спектр составов преступлений, независимо от категории.

В.А. Ширяев предлагает удалить из законодательной дефиниции умысла термин «осознание общественной опасности деяния, так как предвидение

общественно опасных последствий охватывает и содержание общественно опасного характера» [77, с. 21].

Следует согласиться А.И. Рарогом, утверждавшим ещё в период действия УК РСФСР, что «в преступлениях с формальным составом, где общественная опасность заключается в самом действии или бездействии, вид умысла определяется волевым отношением» [54, с. 107].

Таким образом, в формальных составах преступления интеллектуальный момент образует осознание лицом общественной опасности своих действий (бездействий), а волевой – желанием совершить общественно опасные действия, который оказывается завершённым в результате совершения самих общественно опасных действий, к чему стремился субъект преступления.

Как представляется, волевой компонент, относительно преступлений с формальным составом, связан с наличием у виновного осознанного желания совершить соответствующее деяние, запрещенное УК РФ. Сказанное обуславливает прямой умысел в действиях (бездействии) данного лица.

Наличие косвенного умысла, применительно к формальным составам исключено, поскольку он связан с общественно опасными последствиями, которые преступления с формальным составом не предусматривают.

Но по данному вопросу есть и иные мнения. Некоторые авторы опираются на то, что «в преступлениях с формальным составом, так же, как и с материальным, вина представляет психическое отношение не только к действиям (бездействиям), но и к общественно опасным последствиям» [27, с. 139]. С данным суждением сложно согласиться, так как психическое отношение к общественно опасным последствиям, не имеющим юридического значения и поэтому не включенным в число признаков преступления, не может определять содержание вины. Другие авторы исходят из того, что «косвенный умысел при формальных составах преступления есть волевое отношение в виде сознательного допущения по отношению не к последствиям, а к социальным свойствам деяния, то есть к его общественной опасности»

[77, с. 23]. Данный подход также сложно признать корректным, с учётом смешения социальных свойств деяния с общественно опасными последствиями – это разные категории, имеющие самостоятельное уголовно правовое значение.

Сознательное допущение, являющееся составной частью косвенного умысла, применимо лишь к общественно опасным последствиям.

В теории уголовного права дискутируется вопрос о том, возможно ли приготовление и покушение, применительно к преступному деянию с косвенным умыслом? Как представляется, приготовление к преступлению с косвенным умыслом невозможно, так как определить косвенный умысел можно в связи с наступившими последствиями. Поэтому приготовление возможно только в деяниях с прямым, конкретизированным и по общему правилу заранее обдуманым умыслом.

Покушение на преступление может быть совершено только умышленно. Это прямо вытекает из ч. 3 ст. 30 УК РФ покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

С косвенным умыслом покушение на преступление не может быть совершено, так как для косвенного умысла не характерно стремление к преступному результату. Вполне логично, что виновный не может готовиться к причинению вреда объекту уголовно-правовой охраны, в то же самое время, не стремясь к достижению преступного результата, также как не может покушаться на соответствующий объект.

Основой для выделения прямого и косвенного умысла, прежде всего, служат интеллектуально-волевые различия. В обоих видах умысла (прямой и косвенный) интеллектуальный элемент характеризуется осознанием общественной опасности своих действий (бездействий), этот элемент является общим признаком данных видов умысла. Основное отличие между прямым и косвенным составляет волевой элемент отношения лица к последствиям: при

прямом умысле лицо желало наступления опасных последствий, а при косвенном – сознательно допускает либо безразлично относится к ним.

Деление умысла на прямой и косвенный, основанное на различиях в их интеллектуальном и волевом моментах, помимо чисто теоретического, имеет и большое практическое значение, которое проявляется в следующем:

- приготовление или покушение к преступлению применительно лишь к прямому умыслу;
- большинство преступлений могут быть совершены лишь с прямым умыслом, так как именно он характерен для всех преступлений с формальным составом, а конструкция косвенного умысла с такими преступлениями несовместима.
- при совершении преступлений в соучастии само деяние соучастника всегда совершается с прямым умыслом, отношение же к преступным последствиям у соучастников во многих случаях может выражаться и в виде косвенного умысла;
- вид умысла влияет на степень вины. Степень вины при прямом умысле выше, чем при косвенном. Это различие влияет, в свою очередь, на оценку общественной опасности личности преступника, что должно быть учтено судом при назначении наказания.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что умысел является наиболее распространенной и опасной формой вины в уголовном праве. Данная форма умысла на законодательном уровне делится на прямой и косвенный умысел.

Уголовное законодательство не закрепляет определение умысла, так же, как не содержит определения вины. Умысел, как форму вины, законодатель раскрывает лишь через содержание видов умысла. Ввиду этого, представляется возможным определить понятие умысла следующим образом:

Умысел представляет собой осознание лицом характера и степени общественной опасности своего деяния (действия либо бездействия), определяющее положительно-волевое отношение к нему.

Данное определение может найти отражение в ч. 1 ст. 25 УК РФ, а сама обозначенная уголовно правовая норма может получить новое наименование: «Понятие и виды умысла», что в большей мере соответствовало бы содержанию обозначенной статьи.

Характеристика содержания умысла происходит путем раскрытия интеллектуальных и волевых компонентов определенных видов умысла. Для обоих видов умысла аналогично характеризуется такой интеллектуальный признак, как осознание общественной опасности.

Вторым интеллектуальным признаком умысла является предвидение. Предвидение основывается на возможности или неизбежности субъекта наступления общественно опасных результатов. Однако возможность предвидения последствий при прямом умысле и возможность предвидения при косвенном умысле различаются по степени.

Волевой компонент умысла различаются в зависимости от видов умысла. При прямом умысле он характеризуется желанием наступления негативных последствий, а при косвенном умысле – сознательным допущением или безразличным отношением.

Законодательная формулировка умысла сконструирована с ориентиром на преступления с материальным составом. При установлении прямого умысла в формальных составах преступления, правоприменителю требуется переносить общественно опасные последствия на действие. Косвенный умысел применим только по отношению к материальным составам преступления.

2.2 Особенности ответственности за преступление с двумя формами вины

Различные формы вины, в соответствии с положениями действующего УК РФ, могут объединяться в одном противоправном деянии, что вызывает дополнительные сложности для понимания и квалификации содеянного.

Само возникновение категории преступлений с двумя формами вины, как отмечается исследователями, «является результатом развития принципа субъективного вменения, в соответствии с которым уголовная ответственность и наказание должны наступать только за те общественно опасные действия и их последствия, в отношении которых установлена вина субъекта» [43, с. 8].

Подобные деяния именуют преступлениями с двумя формами вины (ст. 27 УК РФ). Введение данной уголовно правовой нормы представляет собой одну из новелл современного российского уголовного законодательства.

Характерный пример такого преступления – это преступление против личности, которое повлекло последствия, не охватываемые «волевым критерием». Речь идет об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, которое повлекло по неосторожности гибель потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ).

В тех практических ситуациях, когда разные формы вины переплетаются в едином деянии, у правоприменителя объективно возникает необходимость определения того, какая из форм вины является определяющей при установлении степени ответственности, а значит – вида и размера уголовного наказания.

Судебная практика в данном вопросе придерживается позиции, в соответствии с которой наличие двойной формы вины говорит об умышленном характере деяния в целом, на что и указывает, по сути, законодатель в диспозиции ст. 27 УК РФ.

Конституционный Суд РФ в одном из своих Определений также не находит каких-либо нарушений со стороны правоприменителя при квалификации деяния с двумя формами вины в целом как умышленного [47].

В научной литературе высказываются отдельные доводы против признания составов с двумя формами вины в целом как умышленных. Эти доводы обосновываются «нарушением принципа справедливости, так как за

неосторожность в отношении последствий лицо несет более тяжкую ответственность, чем если бы его действия квалифицировались по совокупности простого умышленного деяния в отношении основного состава и простого неосторожного деяния в отношении последствий» [24, с. 31].

В связи с этим стоит заметить, что в настоящее время выделяют два главных вида преступлений с двумя формами вины, разграничиваемых в зависимости от того, выступает ли «основной» состав такого преступления формальным либо материальным.

В случае с материальным составом в норме указывается умысел по отношению к результатам состава «первого уровня» и неосторожность по отношению к результатам деяния «второго уровня», например, как это имеет место в конструкции ч. 4 ст. 111 УК РФ. К преступлениям с формальным составом, квалифицированные разновидности которых предусматривают наступление последствий по неосторожности, можно отнести преступления, предусмотренные ст. 126, 127, 127.1, 227, 230, 230.1, 230.2 УК РФ и т.д. Но здесь также существует мнение, что в отношении результатов «второго уровня» наряду с неосторожностью возможна и квалификация как умышленного действия. В частности, это высказывается в отношении иных тяжких последствий, применительно к п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127 УК РФ; в отношении причинения тяжкого вреда здоровью по п. «а» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ [67, с. 37], тяжких последствий по п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ [17, с. 180].

В целом, нужно отметить, что проблем с оценкой всех указанных составов преступлений как умышленных, согласно ст. 27 УК РФ, не возникает, так как основной состав таких преступлений всегда характеризуется прямым умыслом. Но такие проблемы усматриваются в отношении тех составов, у которых «основная часть» содержит одновременно признаки формального и материального состава.

Так, нормы, предусмотренные ч. 1 ст. 217 УК РФ, ч. 1 ст. 217.1 УК РФ и ч. 1 ст. 264 УК РФ, указывают одновременно как на формальность нарушения специальных правил, так и на материальность последствий такого нарушения

– причинение тяжкого вреда здоровью, создание возможности причинения смерти. Тем более, что, к примеру, ч.ч. 2-6 ст. 264 УК РФ отсылают только к «формальной составляющей». Ч. 1 данной нормы, принимая ее в качестве основы для квалифицированных составов. Аналогичным образом построена и ст. 217.1 УК РФ. К числу подобных «формально-материальных» основных составов можно отнести и неоказание помощи больному, предусмотренное ч. 1 ст. 124 УК РФ.

Особенностью всех обозначенных составов уголовно наказуемых деяний, является то, что неосторожность в них выражена в форме небрежности, которая, как отмечается в публикациях, «является наиболее характерной разновидностью неосторожности для составов, устанавливающих ответственность за небрежное исполнение возложенных на лицо обязанностей – оказывать помощь больному, соблюдать и контролировать соблюдение правил технической безопасности, соблюдать правила дорожного движения, хранить огнестрельное оружие (ст. 224), боеприпасы (ст. 225), наркотические средства и прекурсоры (ст. 228.2) и т.п.» [6, с. 165].

Если «основной состав» таких преступлений будет характеризоваться неосторожностью в форме небрежности, то к ним будет неприменимо положение ст. 27 УК РФ, и преступление в целом будет охарактеризовано как неосторожное.

Если же этот состав будет охарактеризован прямым или косвенным умыслом, то данные преступления будут подпадать под понятие составов с двойной формы вины, то есть – умышленными. Но при этом отграничение косвенного умысла от неосторожности вызывает определенные затруднения. Особо актуально эта проблема для составов с двумя формами вины. В связи с этим некоторые авторы уже на протяжении 20 лет предлагают «исключить составы с двойной формой вины из действующего уголовного законодательства» [32, с. 18].

В завершении второй главы подведём её итоги и сформулируем выводы, основанные на анализе выдвигаемых в науке точек зрения по исследуемым нами вопросам.

Умышленная форма вины является преобладающей, поскольку абсолютное большинство противоправных деяний, обозначенных в Особенной части УК РФ могут быть совершены лишь умышленно, что является естественным и закономерным.

Противоправные деяния, совершённые субъектом умышленно, безусловно, выступают более опасными по своему характеру, чем деяния, которые предполагают неосторожную форму вины.

Выделяют прямой и косвенный умысел.

Осознавать общественную опасность совершаемого деяния, при умышленной форме вины, субъект преступления должен в первую очередь. Этот признак умысла выступает главенствующим. Предвидение основывается на общих прогностических способностях субъекта противоправного посягательства. Однако, возможность предвидения последствий по отношению к разным видам умышленной формы вины, будет отличаться своей степенью – максимальная степень предвидения, конечно же, будет иметь место при прямом умысле.

Различные виды умысла отличаются друг от друга и по содержанию волевой составляющей. Как представляется, волевой компонент, относительно преступлений с формальным составом, связан с наличием у виновного осознанного желания совершить соответствующее деяние, запрещенное УК РФ.

Наличие косвенного умысла, применительно к формальным составам исключено, поскольку он связан с общественно опасными последствиями, которые преступления с формальным составом не предусматривают.

В теории уголовного права дискутируется вопрос о том, возможно ли приготовление и покушение, применительно к преступному деянию с

косвенным умыслом? Как представляется, ответ на данный вопрос должен быть отрицательным.

Уголовное законодательство не закрепляет определение умысла, так же, как не содержит определения вины. Умысел, как форму вины, законодатель раскрывает лишь через содержание видов умысла. Ввиду этого, представляется возможным определить понятие умысла следующим образом: Умысел представляет собой осознание лицом характера и степени общественной опасности своего деяния (действия либо бездействия), определяющее положительно-волевое отношение к нему.

Данное определение может найти отражение в ч. 1 ст. 25 УК РФ, а сама обозначенная уголовно правовая норма может получить новое наименование: «Понятие и виды умысла», что в большей мере соответствовало бы содержанию обозначенной статьи.

Глава 3 Неосторожная форма вины

3.1 Преступная небрежность

Одной из разновидностей неосторожной формы вины выступает преступная небрежность.

Преступления, совершаемые по небрежности, имеют достаточную распространённость и, как полагают отдельные авторы, «в тоже время, обладают меньшей степенью общественной опасности, чем преступления, совершаемые при наличии преступного легкомыслия» [5, с. 86].

Как представляется, это спорное утверждение, поскольку общественно опасные последствия таких деяний могут быть достаточно масштабными.

В соответствии с ч. 3 ст. 26 УК РФ преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия.

Как верно отмечает С.В. Дубовиченко, «в отличие от легкомыслия при небрежности лицо не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий даже в абстрактной форме» [15, с. 127].

Так каковы же, при подобной разновидности психического отношения лица к своему деянию, основания для привлечения его к уголовной ответственности? Исходя из диспозиции ст. 26 УК РФ, связь между наступлением негативных последствий, причиняющих вред объекту уголовно правовой охраны, и интеллектуально-волевыми процессами индивида при преступной небрежности исключается. Ответственность обуславливается лишь наличием обязанности, возложенной на субъекта преступления, и возможностью предвидения наступления общественно опасных последствий.

Сказанное обуславливает анализ преступной небрежности через объективный и субъективный критерий, наличие которых есть основа для

привлечения виновного в проявлении преступной небрежности к уголовной ответственности.

Начнём с анализа объективного критерия, с которым связано несколько научных подходов. Одна из высказываемых в науке точек зрения на объективную составляющую небрежности основывается на, так называемой, теории «среднего человека» – по сути, абстрактной конструкции, наделяемой чертами усреднённого члена общества, наличие которых презюмируется у всех членов социума. В соответствии с такой теорией, на каждом члене общества, обладающим свойствами субъекта преступления (достижение определённого возраста и наличие вменяемости), лежит обязанность предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий в определённых типичных обстоятельствах. То есть, «обусловленная способностями обычного гражданина при определенных обстоятельствах предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействий), а если речь идет о специальных познаниях, то предвидение определяется обычной для соответствующей профессии квалификацией («средний специалист»)» [37, с. 241]. Другими словами, среднестатистический член общества, в определённых усреднённых условиях, априори, способен предвидеть возможность причинения ущерба объекту уголовно правовой охраны от своих действий (бездействия), а, значит, может нести за это ответственность. Такая теория получила в научных публикациях критическую оценку. По заслуживающему вниманию мнению А.И. Рарога, использование концепции «среднего человека» вступает в противоречие с существующими теоретическими воззрениями на субъективное вменение.

Обращение к мере предусмотрительности, которая должна быть свойственна каждому среднестатистическому индивиду, нивелирует персональный характер уголовной ответственности, поскольку исключает индивидуальные личностные особенности субъективного характера, которые могут существенным образом отличать субъекта конкретного преступления,

совершенного при наличии преступной небрежности, от некоего «среднего благоразумного человека».

Но самый важный критический аспект такой теории связан с тем, что использование вышеназванного абстрактного критерия исключает субъективный аспект небрежности, как вида неосторожной формы вины.

Как верно указывает А.И. Рарог: «если каждый нормальный гражданин может предвидеть последствия, а вменяемое лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, соответствует этой оценке, значит, оно может предвидеть. И нет никакой необходимости исследовать индивидуальную возможность, достаточно наличия признаков субъекта преступления. Таким образом, формируется презумпция, что любой благоразумный человек обязан предвидеть наступление причиненных им вредных последствий» [56, с. 95].

Второй подход к определению объективного критерия преступной небрежности носит нормативный характер, то есть объективный критерий небрежности определяется наличием обязанности лица предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий.

Как писали П.С. Дагель и Д.П. Котов, «объективный критерий небрежности может быть раскрыт только на основе обязанности лица соблюдать правила предосторожности, существующие как в профессиональной деятельности, так и в быту» [13, с. 146].

Другими словами, как далее рассуждают авторы, «объективный критерий основан на обязанности человека соблюдать существующие в обществе правила предосторожности, начиная от простых, складывающихся в общезжитии, и кончая сложными правилами техники безопасности при осуществлении определенной профессиональной деятельности» [13, с. 146].

Подобный подход высказывает А.И. Рарог, по мнению которого, «обязанность предвидеть наступление общественно опасных последствий может вытекать из прямого указания закона, из специальных правил, профессиональных, служебных или иных функций виновного, а также общеобязательных правил общезжития» [58, с. 52]. Есть специалисты, которые

расширяют перечень возможных источников обязанности, обуславливающей наличие обязанности предвидения. К числу таковых относят также «договор или ранее совершенные действия как основание возникновения обязанности» [64, с. 334].

Таким образом, можно констатировать наличие разных научных подходов к определению объективного критерия. Тем не менее, есть момент, не вызывающий возражений среди специалистов: отсутствие обязанности, возложенной на субъекта, исключающей наличие объективного критерия преступной небрежности, как такового. А это означает следующий важный вывод: если лицо могло, в принципе, предвидеть потенциальную возможность наступление общественно опасных последствий, но на нём не лежала обязанность действовать – виновность отсутствует, и такое лицо не подлежит уголовной ответственности. В подобной ситуации может идти речь лишь о моральной ответственности, но не об ответственности уголовной.

Анализ источников возникновения обязанности предвидеть наступление общественно опасных последствий, приведённый выше, позволяет усмотреть в нём большое сходство с условиями привлечения к уголовной ответственности за бездействие. Значимым отличием здесь будет лишь необходимость соблюдения «общеобязательных правил общежития» [58, с. 52], как указывает А.И. Рарог.

О каких именно правилах здесь идёт речь и где данные правила обозначены? К сожалению, чёткого ответа на данный вопрос в теории и практике нет. Как пишет С.В. Дубовиченко, «так называемые правила общежития, в строгом смысле слова, правовыми нормами не являются, а основаны на представлении о социально приемлемом поведении людей, то есть таком поведении, которое может быть общим стандартом поведения для всех обычных граждан. Но если обязанность предвидеть наступление преступных последствий обусловлена требованием разумности, то вопрос о возможности предвидения (субъективный критерий небрежности) автоматически снимается, поскольку каждый вменяемый человек способен

осознавать значение своих действий и руководить своими действиями. Возможность предвидения – это способность, характеризующая субъект преступления» [15, с. 130].

Если иные источники обязанности предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий объективно отражены в соответствующих документах (нормативных предписаниях, инструкциях, профессиональных правилах и стандартах), то общие правила общежития и связанные с ними представления о мерах необходимой предосторожности нигде не определены. Единственный источник определения таких мер – это субъективное усмотрение суда, формируемое в конкретном деле, применительно к конкретной ситуации.

Такая оценка имеет ярко выраженный субъективный характер. Но достаточно ли для привлечения к уголовной ответственности лица одного лишь субъективного вывода суда о том, что данное лицо действовало вразрез общим усреднённым правилам человеческого общежития и его действия не отвечают представлениям о том, как должен был бы действовать в аналогичной ситуации «благоразумный человек»?

По сути, привлечение к ответственности за «проявленную неосмотрительность в условиях, когда субъект способен был поступить, как подобает законопослушному, добропорядочному гражданину, является объективным вменением» [15, с. 130].

Такой подход, применительно к рассматриваемым ситуациям, устраняет необходимость обращения к субъективному критерию небрежности, и, как это ни парадоксально, обуславливает презумпцию виновности лица в случаях бытовой небрежности.

В.А. Нерсесян, говоря о анализируемом критерий небрежности, также отмечает, что недопустимо сведение объективного критерия небрежности к «конструированию образца, эталона поведения субъекта в определенных сферах деятельности и ситуациях» [42, с. 34]. Как пишет С.Ю. Кораблев, «основанием для уголовно-правового упрека при небрежности является

осознание лицом нарушения требований безопасности, из которых вытекает обязанность предвидеть наступление общественно опасных последствий, а также установление субъективной возможности предвидения общественно опасных последствий данным лицом в конкретной ситуации» [28, с. 78].

С проявлением преступной небрежности можно связать достаточно типичную бытовую ситуацию причинения вреда (вплоть до гибели лица) при падении потерпевшего от наносимых виновным ударов. Подобная ситуация является следствием создания виновным условий опасных для жизни и здоровья потерпевшего, что создаёт предпосылки возникновения обязанности заботы о нём, по принципу, отражённому законодателем в ст. 125 УК РФ, регламентирующей ответственность за оставление в опасности. В подобных случаях констатация судом наличия преступной небрежности со стороны лица, создавшего ситуацию, при которой наступили негативные последствия для жизни или здоровья потерпевшего, является оправданной. Но указанная ситуация должна выступать, скорее, как исключение из общего правила необходимости формального закрепления обязанности, нарушение которой выступает объективным критерием небрежности. Как представляется, при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности за преступную небрежность, правоприменителю следует устанавливать, какие именно требования безопасности были нарушены, а также обусловили причинение вреда.

Преступную небрежность можно показательно проиллюстрировать следующим примером из местной судебной практики: «К., имеющий разрешение на ношение и хранение стандартного охотничьего одноствольного оружия отечественного производства, поехал на охоту. После приехал в дом своего знакомого И., где они распили спиртные напитки. К. уехал к себе домой, не предвидя наступления общественно опасных последствий своих действий в виде возникновения травмоопасных ситуаций, угрожающих жизни и здоровью третьих лиц, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия,

допустил преступную небрежность, а именно оставил для хранения вышеуказанное ружье в доме, принадлежащем И., не исключив к нему доступ лиц, не имеющих права ношения и хранения оружия, полученного в установленном порядке, создав, таким образом условия для его использования другим лицом. Вследствие чего, И., не имеющий разрешения на ношение и хранение огнестрельного оружия, использовал оставленное К. ружье, а именно произвел выстрел в себе голову, следовательно, наступила смерть» [62].

По обозначенному уголовному делу судом был вынесен обвинительный приговор по ч. 1 ст. 224 УК РФ небрежное хранение огнестрельного оружия, создавшем условия для его использования другим лицом, которое повлекло смерть человека.

Таким образом, объективный критерий небрежности (изолированно от субъективного) имеет ярко выраженный нормативный характер и от действий субъекта преступления напрямую не зависит. Собственно, по этой причине данный критерий и именуется объективным – то есть, характеризуемый внешними, а не внутренними качествами.

В этом проявлено принципиальное отличие объективного критерия от критерия субъективного, в основе которого лежит необходимость учёта личностных свойств и качеств лица, допустившего преступную небрежность.

Как в своё время отмечал А.А. Пионтковский, «объективный критерий небрежности определяет только границы противоправности и ставит вопрос об ответственности, поэтому необходимо признать, что при установлении вины лица в форме небрежности решающая роль принадлежит субъективному критерию» [50, с. 384].

В законодательной формулировке небрежности (ч. 3 ст. 26 УК РФ) субъективный критерий определяется через указание на возможность лица предвидеть наступление общественно опасных последствий при проявлении необходимой внимательности и предусмотрительности.

Вызывает критику порядок слов, характеризующих субъективный критерий небрежности. При буквальном толковании данного

законоположения может показаться, что обязанности лица предвидеть находится в зависимости от внимательности и предусмотрительности. Однако, анализ объективного критерия небрежности наглядно демонстрирует, что у обязанности предвидеть есть нормативная (и поэтому объективная) основа.

Таким образом, существующее легальное определение небрежности сформулировано не вполне удачно и нуждается в небольшой корректировке. Более точным может быть следующая редакция ч. 3 ст. 26 УК РФ: «3. Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя должно было и при необходимой внимательности и предусмотрительности могло предвидеть эти последствия».

В предложенной формулировке ч. 3 ст. 26 УК РФ оба критерия небрежности (объективный и субъективный) разделены и не смешиваются друг с другом, что позволяет сделать определение небрежности более чётким и однозначным.

Как представляется, возможность лица предвидеть некие негативные последствия своих действий (своего бездействия) необходимо связывать с индивидуальными субъективными качествами индивида, причём, применительно к имеющей место в объективной действительности ситуации, в которой это лицо действует.

Определение в конкретном деле субъективного признака небрежности должно строиться на оценке правоприменителя индивидуальных особенностей лица и конкретной обстановки, в которой имело место деяние. При этом, оценка обстановки совершения преступления также в данном контексте выступает субъективной, а не объективной составляющей, потому что оценивается в соотношении с личностными качествами и свойствами субъекта преступления.

Например, в обстановке крайне низкой освещённости возможность предвидеть и действовать, применительно к лицу с развитой миопией

(близорукостью) при отсутствии очков, корректирующих зрение, резко ограничены и диаметрально образуются от аналогичных возможностей, применительно к человеку с отличным зрением.

Установление фактической возможности предвидеть наступление общественно опасных последствий при небрежности сближает этот признак с интеллектуальным признаком юридического критерия невменяемости. Он, как известно, включает в себя «способность осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых действий (бездействия) и связан с социальным опытом субъекта, способностью анализировать и перерабатывать поступающую извне информацию» [34, с. 61].

Тем не менее, речь идёт о разных категориях в общем контексте определения виновности лица в совершении неосторожного преступления. Критерий вменяемости выступает в качестве предпосылки вины, поэтому нельзя содержание вины подменять признаками вменяемости. Иначе пришлось бы сделать вывод, что невиновное причинение вреда, когда лицо «не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть» – характеристика невменяемости. Конечно же, это не так. Вменяемость показывает наличие, в принципе, прогностических способностей, что лицо могло воспринимать фактические обстоятельства и давать им социальную оценку во время совершения преступления.

Когда мы говорим об установлении возможности предвидения в контексте преступной небрежности, мы ведём речь о более высоком порядке предвидения – здесь, помимо общих прогностических способностей человека, связанных с его вменяемостью, требуется комплекс фактических ситуативных условий, которые применительно к конкретной ситуации создают возможность предвидения. Следует согласиться с С.В. Дубовиченко и В.П. Карловым в том, что «грубейшей ошибкой является превалирующая на

практике презумпция, что, если лицо является вменяемым, то это, безусловно, означает возможность предвидения общественно опасных последствий» [18, с. 157]. По сути, в подобном неправильном подходе, о котором пишут авторы, и проявлена подмена вины вменяемостью. Условия, которые создавали возможность предвидения последствий, базируются на учете, во-первых, индивидуальных качеств, а, во-вторых, ситуативных факторов (обстановки). Некоторые исследователи выделяли третье условие: «Не должно иметься таких обстоятельств, относящихся к ситуации или личности субъекта, которые создавали бы невозможность предвидения им общественно опасных последствий своего деяния» [13, с. 149]. Но такое качество вряд ли следует выделять отдельно и придавать ему свойство самостоятельности, включая в общую систему признаков субъективного критерия. Как представляется, такое качество тесно связано с первыми двумя, которые являются достаточно универсальными.

Какие именно субъективные качества субъекта преступной небрежности могут оказать влияние на возможность предвидения? К числу таковых можно с уверенностью отнести:

- жизненный опыт (он различается у несовершеннолетних и людей, имеющих средний возраст);
- образование (у лиц, не имеющих специального образования – отсутствуют знания, которые могут быть необходимы для предвидения негативных последствий в конкретной ситуации);
- состояние здоровья (в силу заболеваний или физических недостатков, индивидуальная способность предвидения в конкретной обстановке может быть снижена, или отсутствовать),
- психическое состояние лица (сильный стресс, переутомление, приём лекарственных препаратов могут помешать лицу правильно оценить фактическую ситуацию) и т.д.

Следует отметить, что в правоохранительной и судебной практике, зачастую, игнорируется именно субъективный критерий небрежности, что

лишает выводы правоприменителя о наличии или отсутствии преступной небрежности в конкретном деле должной обоснованности и убедительности.

Как представляется, для обоснования фактической возможности лица предвидеть наступление негативных последствий, в ситуациях, когда имеются сомнения в наличии такой возможности, «следует прибегать к помощи эксперта-психолога» [65, с. 110].

Отдельного пристального внимания правоприменителя требует установление соответствующих профессиональных знаний, как предпосылки для предвидения. Это наиболее актуально при оценке ситуаций, связанных с профессиональной ошибкой (к примеру, врачебной).

Если у субъекта преступления отсутствуют специальные профессиональные знания и навык – субъект в определённой ситуации, требующей такие знания, оказывается не способным предвидеть определённые негативные последствия действий (или бездействия). Например, врач-терапевт не обладает теми познаниями, которыми обладает врач иной специализации и не может прогнозировать те опасные для здоровья пациента последствия, которые с лёгкостью может спрогнозировать, например, врач-анестезиолог. Здесь просматривается дифференцированность профессиональных знаний, которая может обуславливать отсутствие субъективного критерия неосторожной формы вины.

Как отмечает И.И. Нагорная, «судебная практика, связанная с врачебными ошибками, свидетельствует, что суды при установлении небрежности допускают в определенной степени подмену понятий, трактуя небрежность не как разновидность неосторожной формы вины, а как недобросовестное, халатное поведение. Не всегда такое поведение предопределяет наличие неосторожной формы вины» [35, с. 85].

В теории уголовного права врачебную ошибку, вызванную отсутствием специальных познаний, можно отнести к отдельной разновидности неосторожной вины – преступному невежеству.

Такую разновидность неосторожной формы вины предлагал известный советский криминалист П.С. Дагель. По его мнению, «преступное невежество характеризуется отсутствием возможности предвидения общественно опасных последствий в силу неизвинительного невежества. Например, в случаях, когда лицо осуществляет деятельность, требующую специальных познаний, и по своему невежеству не может предвидеть наступления общественно опасных последствий» [12, с. 129].

А.И. Рарог обращает внимание на то, что «законодатель отсутствие предвидения при небрежности не связывает с какими-то особыми причинами, а вполне определенно говорит о наличии двух признаков: лицо должно и могло предвидеть наступление общественно опасных последствий, и не имеет никакого значения, в силу каких причин отсутствовала такая возможность» [55, с. 128].

В ситуациях, когда гибель пациента предположительно наступила в результате преступной небрежности врача, на передний план выходят ситуативные факторы, обуславливающие верное определение возможности предвидения. Как подчёркивается в одном из комментариев к действующему УК РФ, «ситуация не должна быть слишком сложной, требующей чрезмерных эмоциональных и психофизических перегрузок» [25, с. 37].

Последствия при этом должны носить, как верно отмечается в современных публикациях, «закономерный (причинно-следственный), типичный характер, а не являться стечением случайных обстоятельств или результатом неожиданного изменения ситуации, исключающего возможность реагировать на новую обстановку» [20, с. 87].

Важными ситуативными факторами в контексте установления субъективного критерия небрежности являются место и обстановка. В отдельных практических ситуациях важен учёт особенности места происшествия: лестничная площадка, пожарная лестница, значительно отличаются от обычной обстановки жилой комнаты квартиры.

Вероятность причинения травмы в обычных бытовых условиях во много раз ниже вероятности такой травмы в производственном помещении с обилием металлических конструкций, в цехе, в котором находится мощное электрическое оборудование и т.д.

Таким образом, можно констатировать, что лишь единство объективного и субъективного критерия могут обусловить законную констатацию наличия преступной небрежности и лечь в основу справедливого и обоснованного привлечения лица к уголовной ответственности за преступление, совершённое по неосторожности.

3.2 Преступное легкомыслие

Легкомыслие представляет собой одну из видовых разновидностей неосторожной формы вины. В соответствии с ч. 2 ст. 26 УК РФ преступление признаётся совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий.

Исходя из законодательного описания неосторожности следует, что законодатель при описании преступного легкомыслия не касается психического отношения лица к своему общественно опасному действию (бездействию), а указывает на отношения лица к общественно-опасным последствиям.

Как представляется, неосторожность в форме легкомыслия складывается из двух компонентов: интеллектуального, когда лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (своего бездействия) и волевого, предполагающего нежелание наступления общественно опасных последствий и самонадеянный расчет виновного на предотвращение опасных последствий без достаточных на то оснований.

Интеллектуальный признак легкомыслия в достаточной мере сближает преступное легкомыслие и косвенный умысел. В юридической литературе имеет место дискуссия относительно критериев разграничения данных видов вины.

Одни авторы при разграничении косвенного умысла и легкомыслия оперируют терминами «абстрактный» и «конкретный», связывают косвенный умысел с конкретным, а легкомыслие с абстрактным предвидением наступления общественно опасных последствий: «виновный видит абстрактную возможность наступления общественно опасных последствий. Лицо понимает, что его действия (бездействие) могут привести к наступлению общественно опасных последствий, но конкретизировать их оно не может и считает, что в данном случае никакие последствия не наступят» [25, с. 37]. Другие авторы не согласны с тем, что разграничение стоит проводить по степени предвидения. В частности, А.И. Трухин предлагает проводить разграничение по такому признаку, как осознание общественной опасности деяния. Он утверждает, что «при косвенном умысле лицо осознает, что его действия (бездействие) могут привести к общественно опасным последствиям, а при легкомыслии лицо, принимая решение действовать, уверено, что его действия не могут привести к таким последствиям» [61, с. 79].

Первый из обозначенных подходов представляется верным. Таким образом, при косвенном умысле и легкомыслии лицо предвидит возможность наступления общественно опасных результатов, отличие состоит в различном характере определенности этого предвидения. При легкомыслии действительно предвидение этой возможности носит абстрактный характер, т.е. менее определенный, что и обуславливает самонадеянный расчет, т.е. ошибочную оценку обстоятельств, способных, по мнению лица, предотвратить наступление негативных последствий. Если бы предвидение было более определенным, реальным, как в косвенном умысле, то лицо смогло бы правильно оценить развитие событий, в частности, правильно оценить

значение тех обстоятельств, с которыми связан расчет на предотвращение последствий.

Иными словами, отличие предвидения абстрактной возможности наступления последствий от реальной состоит в том, что при абстрактном предвидении лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий вообще в подобных случаях, однако предполагает, что такой результат наступит именно в данном конкретном случае от его действий (бездействий).

Волевой признак легкомыслия состоит в расчете на предотвращение общественно опасных последствий.

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что использование словосочетаний «надеялся предотвратить» неправомерно, так как отступает от законодательной дефиниции, в которой речь идет о том, что лицо «рассчитывает предотвратить» общественно опасные последствия. Словосочетание «надеялся предотвратить» предполагает надежду на объективное, не зависящее от лица, предотвращение негативного результата. На самом деле, согласно законодательной формулировке, речь идет немного о другом: «рассчитывало предотвратить» ограничивается субъективным, т.е. «зависящим от виновного обстоятельствами, на которые опирается расчет субъекта не допустить общественно опасные последствия» [11, с. 99].

Волевой момент при преступном легкомыслии характеризуется самонадеянным расчетом без достаточных на то оснований на предотвращение опасных последствий. Именно по волевому компоненту происходит основное разграничение между косвенным умыслом и легкомыслием.

Лицо, действующее по легкомыслию, предвидя возможность наступления негативных последствий, самонадеянно рассчитывает на их предотвращение, а у лица, совершающего опасное деяние с косвенным умыслом, такого расчета нет. Иными словами, при косвенном умысле лицо сознательно допускает или безразлично относится к возникновению

общественно опасных последствий, т.е. относится к последствиям одобрительно, а при легкомыслии субъект не желает наступления общественно опасных последствий и стремится их избежать, пусть и самонадеянно, необоснованно и без результата.

Как отмечает Т.В. Непомнящая, «расчет на предотвращение, на недопущение общественно опасных последствий – это отрицательное отношение к ним, стремление их избежать. Расчет предотвратить последствия своих действий (бездействий) предполагает всегда расчет на определённые фактические обстоятельства или совокупность таких обстоятельств, которые по мысли виновного способны пресечь возможность наступления общественно опасных последствий» [40, с. 131].

Субъект оценивает значение неких внешних обстоятельств ошибочно, вследствие чего расчет на предотвращение общественно опасных последствий оказывается самонадеянным, не имеющим достаточных оснований. Например, Автозаводским районным судом г. Тольятти «А. был осуждён за умышленное причинение смерти Г. по ч. 1 ст. 105 УК РФ. По обстоятельствам дела установлено, что А. работая водителем маршрутки и закончив свой рабочий день, встретил своего знакомого Н., который угостил его спиртным напитком, после чего решил ехать на парковку, чтобы поставить автобус. Он полагал, что доедет до места назначения без происшествий, рассчитывая на свой опыт вождения, однако по дороге А. потерял управление, вследствие чего он въехал в тротуар и сбил пришедшего мимо Г., в результате чего ему было причинено смертельное ранение».

Суд первой инстанции квалифицировал действия, как убийство с косвенным умыслом. В описательно-мотивировочной части приговора указано «А., находясь в состоянии алкогольного опьянения сел за руль автобуса, при этом превысил допустимую скорость, предвидя и сознательно допуская возможность наступления тяжёлых последствий в результате нарушения ПДД, т.е. действовал с косвенным умыслом». Самарский областной суд верно переqualificировал действие А. на ст. ч. 3 ст. 264 УК

РФ «нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть человека» [3].

Действительно, в рассматриваемой правовой ситуации речь может идти лишь о неосторожной вине в виде легкомыслия, а не об умышленном деянии с косвенным умыслом. Примечательно, что во многих случаях суды в своих решениях признаки преступной небрежности описывают достаточно полно, в то время как признаки преступного легкомыслия находят своё отражение в судебных актах поверхностно и противоречиво. Например, часто вместо нормативного термина «легкомыслие» используется хотя и сходный с ним, но иной по содержанию и не соответствующий положениям ч. 2 ст. 26 УК РФ термин «самонадеянность». В отдельных судебных решениях обе категории используют наряду друг с другом, например, «проявил преступное легкомыслие и излишнюю самонадеянность к окружающей обстановке» [1]; «проявил преступную самонадеянность и легкомыслие» [52].

На такую тенденцию ещё в 2009 г. обращает внимание Т. Недопекина, которая выражает сомнения в правомерности «объединять в определении одного вида неосторожности понятия «легкомыслие» и «самонадеянность», имеющие различное этимологическое значение и характеризующие различные аспекты интеллектуально-волевого отношения виновного к содеянному» [39, с. 53].

Подобные обороты, как представляется, вносят дополнительный диссонанс, который не способствует корректному и точному определению вида неумышленной формы вины в судебных актах. А в одном из апелляционных определений судом в едином ряду указаны обе разновидности неосторожной формы вины, применительно к одному деянию, причём с перечислением дополнительных смежных терминов, что вызывает недоумение: «К. допустил преступную небрежность и самонадеянность, проявив легкомыслие и невнимательность» [2].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что правоприменитель далеко не всегда единообразно и чётко определяет неосторожную форму вины, в особенности такую её разновидность, как преступное легкомыслие. Как представляется, судебная практика нуждается в обеспечении единообразных подходов в определении столь важной базовой составляющей субъективной стороны деяния, как вина. Данный вопрос вполне может найти своё отражение в одном из Постановлений Верховного Суда РФ по уголовным делам, будучи адресованным всем судам общей юрисдикции страны.

В завершении третьей главы работы, подведём её итоги и сформулируем выводы.

Видами неосторожной формы вины выступает преступная небрежность и преступное легкомыслие.

Говоря о первой из названных разновидностей неосторожности, следует сказать о том, что при характеристике небрежности выделяют объективный и субъективный критерии.

Объективный критерий небрежности связан с наличием нормативно определённой обязанности – её отсутствие исключает наличие объективного критерия преступной небрежности, как такового. А это означает следующий важный вывод: если лицо могло, в принципе, предвидеть потенциальную возможность наступления общественно опасных последствий, но на нём не лежала обязанность действовать – виновность отсутствует и такое лицо не подлежит уголовной ответственности.

Обязанности предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий объективно отражены в соответствующих документах (нормативных предписаниях, инструкциях, профессиональных правилах и стандартах и т.д.)

Таким образом, объективный критерий небрежности (изолированно от субъективного) имеет ярко выраженный нормативный характер и от действий субъекта преступления напрямую не зависит. Собственно, по этой причине

данный критерий и именуется объективным – то есть, характеризуемый внешними, а не внутренними качествами.

В этом проявлено принципиальное отличие объективного критерия от критерия субъективного, в основе которого лежит необходимость учёта личностных свойств и качеств лица, допустившего преступную небрежность.

Как представляется, возможность лица предвидеть некие негативные последствия своих действий (своего бездействия) необходимо связывать с индивидуальными субъективными качествами индивида, причём, применительно к имеющей место в объективной действительности ситуации, в которой это лицо действует.

Определение в конкретном деле субъективного признака небрежности должно строиться на оценке правоприменителя индивидуальных особенностей лица и конкретной обстановки, в которой имело место деяние.

При этом, оценка обстановки совершения преступления также в данном контексте выступает субъективной, а не объективной составляющей, потому что оценивается в соотношении с личностными качествами и свойствами субъекта преступления.

Отдельного пристального внимания правоприменителя требует установление соответствующих профессиональных знаний, как предпосылки для предвидения.

Примечательно, что во многих случаях суды в своих решениях признаки преступной небрежности описывают достаточно полно, в то время как признаки преступного легкомыслия находят своё отражение в судебных актах поверхностно и противоречиво.

Например, часто вместо нормативного термина «легкомыслие» используется хотя и сходный с ним, но иной по содержанию и не соответствующий положениям ч. 2 ст. 26 УК РФ термин «самонадеянность». В отдельных судебных решениях обе категории используют наряду друг с другом.

Подобные обороты, как представляется, вносят дополнительный диссонанс, который не способствует корректному и точному определению вида неумышленной формы вины в судебных актах.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что правоприменитель далеко не всегда единообразно и чётко определяет неосторожную форму вины, в особенности такую её разновидность, как преступное легкомыслие.

Как представляется, судебная практика нуждается в обеспечении единообразных подходов в определении столь важной базовой составляющей субъективной стороны деяния, как вина.

Данный вопрос вполне может найти своё отражение в одном из Постановлений Верховного Суда РФ по уголовным делам, будучи адресованным всем судам общей юрисдикции страны.

Заключение

В заключении работы сформулируем общие выводы по проведённому исследованию.

Примечательно, что нормативное определение вины в действующем УК РФ фактически не содержится, что предопределяет широкую основу для научных дискуссий.

Вина с точки зрения психологической науки – это эмоция, которая является продуктом развития культуры и присущих ей ценностей, которые воплощены в морали и нормах поведения, регулирующих поведение людей в обществе. Это чувство, которое возникает после совершения проступка, осуждаемого обществом. Однако, вина с позиции психологической науки мало подходит для реализации целей законного и обоснованного привлечения субъекта преступления к уголовной ответственности.

В контексте вины, среди учёных дискутируется целесообразность используемого около ста лет в отечественной уголовно-правовой науке и практике оборота «общественная опасность».

В качестве альтернативы обороту «общественная опасность» предлагается заменить его на оборот «общественная вредность», причём, данный вопрос ставится как применительно к преступлению, так и применительно к правонарушениям в целом.

Тем не менее, в уголовно-правовом смысле, признаком общественной опасности обладают лишь деяния, запрещенные уголовным законом под угрозой наказания, поскольку именно преступления, как самая серьёзная категория правонарушений, посягают на наиболее значимые общественные отношения. Как представляется, применение категории «общественная опасность» в контексте вины в уголовном праве вполне обосновано.

Вызывает дискуссии включение в содержание категории «вина» такого признака, как «противоправность». Использование данной категории качестве обязательного признака вины не соответствует существующим

концептуальным основам ответственности в отечественном уголовном праве и уголовном законодательстве. Далек не каждый индивид обладает юридическими познаниями и далеко не каждое обозначенное в УК РФ в качестве преступления деяние будет очевидным с точки зрения оценки его противоправности. Поэтому с указанным суждением вряд ли можно согласиться.

В соответствии с традиционным устоявшимся в теории уголовного права подходом, вина характеризуется двумя ключевыми признаками: интеллектуальным и волевым, которые связаны с сознанием и свободной волей субъекта. Данные критерии неразрывно связаны с теми качествами, которыми должно обладать лицо для того, чтобы выступить в качестве субъекта преступления. Отсутствие даже одного из обозначенных качеств не позволяет вести речь о вине лица.

Опираясь на анализ разнообразных подходов к определению вины в уголовном праве, а также учитывая базовые концептуальные подходы, под виной в уголовном праве следует понимать психическое сознательно-волевое отношение физического лица к совершаемому им общественно опасному деянию (действию или бездействию) и наступившим общественно опасным последствиям.

Как представляется, форма вины – это закреплённое в нормах действующего УК РФ сочетание интеллектуальных и волевых признаков, которые указывают на субъективное отношение виновного к своему деянию и его общественно опасным последствиям.

Другими словами, форма вины является комплексным явлением правовой действительности, включающим в себя предусмотренное уголовным законом сочетание интеллектуальных и волевых составляющих.

Обе обозначенные в уголовном законе формы вины, являясь разновидностями единой категории вины, обладают специфическими особенностями, существенным образом влияющими как на непосредственную квалификацию противоправного деяния, так и на последующую

индивидуализацию уголовной ответственности и наказания судом, рассматривающим и разрешающим уголовное дело по существу.

Разделение категории вины на отдельные формы имеет не только научное значение – в первую очередь, выделение форм вины преследует практические цели, связанные с обоснованным и справедливым реагированием на противоправные деяния, с учётом их характера и общественной опасности.

Наличие в нормах УК РФ категорий «форма вины» и «виды вины» позволяет:

- отграничить от преступного деяния, деяние, не являющееся таковым;
- разграничить противоправные деяния, сходные по объективным признакам, но различные по форме вины, обеспечив правильную квалификацию преступления;
- определить категории преступления наряду со степенью общественной опасности;
- дифференцировать уголовную ответственность, обеспечив справедливое реагирование на противоправные деяния, с учётом формы вины, во многом определяющей характер и общественную опасность соответствующего деяния;
- индивидуализировать уголовную ответственности и наказание судом;
- осуществить выбор исправительного учреждения для лица, признанного виновным судом, с учётом формы вины и т.д.

Следует отметить, что законодатель далеко не всегда прямо называет соответствующую форму и вид вины в конструкции конкретного состава преступления. Это зависит от частных и используемых формулировок.

Когда конкретизация отсутствует, о наличии соответствующей формы вины можно судить по косвенным признакам – например, опираясь на указание в диспозиции статьи Особенной части УК РФ на цель или мотив преступления и т.д.

Относительно дискуссии о том, какую форму и какой вид вины предполагает указание в диспозиции статьи Особенной части УК РФ на мотив и цель преступления, следует сделать вывод о том, что мотивация лежит в основе любой деятельности человека, но уголовно-правовая цель, как конкретизированный образ о желаемом результате, к которому стремится индивид, отсутствует при косвенном умысле и неосторожной форме вины.

Соответственно, указание в диспозиции статьи на конкретную цель преступления предполагает наличие лишь прямого умысла.

Умышленная форма вины является превалирующей, поскольку абсолютное большинство противоправных деяний, обозначенных в Особенной части УК РФ могут быть совершены лишь умышленно, что является естественным и закономерным.

Противоправные деяния, совершённые субъектом умышленно, безусловно, выступают более опасными по своему характеру, чем деяния, которые предполагают неосторожную форму вины.

Выделяют прямой и косвенный умысел. Осознавать общественную опасность совершаемого деяния, при умышленной форме вины, субъект преступления должен в первую очередь. Этот признак умысла выступает главенствующим. Предвидение основывается на общих прогностических способностях субъекта противоправного посягательства.

Однако, возможность предвидения последствий по отношению к разным видам умышленной формы вины, будет отличаться своей степенью – максимальная степень предвидения, конечно же, будет иметь место при прямом умысле.

Различные виды умысла отличаются друг от друга и по содержанию волевой составляющей. Как представляется, волевой компонент, относительно преступлений с формальным составом, связан с наличием у виновного осознанного желания совершить соответствующее деяние, запрещенное УК РФ.

Наличие косвенного умысла, применительно к формальным составам исключено, поскольку он связан с общественно опасными последствиями, которые преступления с формальным составом не предусматривают.

В теории уголовного права дискутируется вопрос о том, возможно ли приготовление и покушение, применительно к преступному деянию с косвенным умыслом? Как представляется, ответ на данный вопрос должен быть отрицательным.

Уголовное законодательство не закрепляет определение умысла, так же, как не содержит определения вины. Умысел, как форму вины, законодатель раскрывает лишь через содержание видов умысла. Ввиду этого, представляется возможным определить понятие умысла следующим образом: Умысел представляет собой осознание лицом характера и степени общественной опасности своего деяния (действия либо бездействия), определяющее положительно-волевое отношение к нему.

Данное определение может найти отражение в ч. 1 ст. 25 УК РФ, а сама обозначенная уголовно правовая норма может получить новое наименование: «Понятие и виды умысла», что в большей мере соответствовало бы содержанию обозначенной статьи.

Видами неосторожной формы вины выступает преступная небрежность и преступное легкомыслие.

Говоря о первой из названных разновидностей неосторожности, следует сказать о том, что при характеристике небрежности выделяют объективный и субъективный критерии.

Объективный критерий небрежности связан с наличием нормативно определённой обязанности – её отсутствие исключает наличие объективного критерия преступной небрежности, как такового. А это означает следующий важный вывод: если лицо могло, в принципе, предвидеть потенциальную возможность наступления общественно опасных последствий, но на нём не лежала обязанность действовать – виновность отсутствует и такое лицо не подлежит уголовной ответственности.

Обязанности предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий объективно отражены в соответствующих документах (нормативных предписаниях, инструкциях, профессиональных правилах и стандартах и т.д.)

Таким образом, объективный критерий небрежности (изолированно от субъективного) имеет ярко выраженный нормативный характер и от действий субъекта преступления напрямую не зависит. Собственно, по этой причине данный критерий и именуется объективным – то есть, характеризуемый внешними, а не внутренними качествами.

В этом проявлено принципиальное отличие объективного критерия от критерия субъективного, в основе которого лежит необходимость учёта личностных свойств и качеств лица, допустившего преступную небрежность.

Как представляется, возможность лица предвидеть некие негативные последствия своих действий (своего бездействия) необходимо связывать с индивидуальными субъективными качествами индивида, причём, применительно к имеющей место в объективной действительности ситуации, в которой это лицо действует.

Определение в конкретном деле субъективного признака небрежности должно строиться на оценке правоприменителя индивидуальных особенностей лица и конкретной обстановки, в которой имело место деяние.

При этом, оценка обстановки совершения преступления также в данном контексте выступает субъективной, а не объективной составляющей, потому что оценивается в соотношении с личностными качествами и свойствами субъекта преступления.

Отдельного пристального внимания правоприменителя требует установление соответствующих профессиональных знаний, как предпосылки для предвидения.

Примечательно, что во многих случаях суды в своих решениях признаки преступной небрежности описывают достаточно полно, в то время как признаки преступного легкомыслия находят своё отражение в судебных актах

поверхностно и противоречиво. Например, часто вместо нормативного термина «легкомыслие» используется хотя и сходный с ним, но иной по содержанию и не соответствующий положениям ч. 2 ст. 26 УК РФ термин «самонадеянность». В отдельных судебных решениях обе категории используют наряду друг с другом.

Подобные обороты, как представляется, вносят дополнительный диссонанс, который не способствует корректному и точному определению вида неумышленной формы вины в судебных актах.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что правоприменитель далеко не всегда единообразно и чётко определяет неосторожную форму вины, в особенности такую её разновидность, как преступное легкомыслие. Как представляется, судебная практика нуждается в обеспечении единообразных подходов в определении столь важной базовой составляющей субъективной стороны деяния, как вина. Данный вопрос вполне может найти своё отражение в одном из Постановлений Верховного Суда РФ по уголовным делам, будучи адресованным всем судам общей юрисдикции страны.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 25.02.2016 г. по делу № 33-441/2016 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
2. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 24.12.2014 г. № 33-8074/2014 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
3. Апелляционное Постановление Самарского областного суда от 18.07.2019 г. № 45У-150/2019 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
4. Баумштейн А.Б. Вина, ее формы и регламентация в составах экологических преступлений: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2006. 215 с.
5. Бородин Е.С. Общие черты и различия легкомыслия и небрежности как видов неосторожности // Закон и право. 2010. № 2. С. 86-87.
6. Ведищев А.В. Отдельные вопросы уголовной ответственности за преступления с двумя формами вины // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 1. С. 163-167.
7. Галкин В.В. Проблемы законодательной регламентации прямого умысла, связанного с наступлением последствий // Проблемы современной юридической науки и практики: сборник статей студентов, аспирантов и молодых ученых: в 2 т. Т. 2. Красноярск, 2011. С. 126-131.
8. Гарбатович Д.А., Классен А.Н. Классификация преступлений по мотиву и цели // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 3. С. 13-18.
9. Гладких В.И. Приглашение к дискуссии: все ли нас устраивает в современных формах вины и практике их применения? // Российский следователь. 2016. № 3. С. 27-33.
10. Гладких В.И., Курчеев В.С. Уголовное право России: Общая и Особенная части. НГУ, 2015. 652 с.

11. Гребенюк А.В. Вина в российском уголовном праве: дисс....канд. юр. наук. Ростов н/Д, 2004. 220 с.
12. Дагель П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве. Ученые записки ДВГУ. 1968. Вып. 21. Ч. 1. 187 с.
13. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1974. 243 с.
14. Дубовиченко С.В. Интеллектуальные моменты умышленной формы вины: дисс...канд. юр. наук. Казань, 2007. 238 с.
15. Дубовиченко С.В. Объективный критерий небрежности // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2017. № 1, том 2. С. 127-131.
16. Дубовиченко С.В. Понятие умышленной вины и её сущность // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 72. С. 53-61.
17. Дубовиченко С.В. Спорные вопросы субъективной стороны преступления в новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 2. С. 178-182.
18. Дубовиченко С.В., Карлов В.П. Субъективный критерий небрежности // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2017. № 2, том 1. С. 152-159.
19. Еникеев М.И. Психолого-юридическая сущность вины и вменяемости // Советское государство и право. 1989. № 12. С. 79-82.
20. Зыков Д.А., Шеслер С.С., Шеслер А.В. Уголовно-правовая сущность небрежности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 7. С. 86-88.
21. Иванов И.С. К вопросу о соотношении форм вины и их основных признаков // Российский следователь. 2005. № 1. С. 21-23.
22. Кассационное определение Пермского краевого суда от 18.11.2010 г. по делу № 22-8253 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

23. Кауфман М.А. Некоторые вопросы применения Общей части УК РФ // Государство и право. 2000. № 6. С. 20-23.

24. Колочков Е.Д. Проблемы уголовной ответственности за насильственные преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, сопряженные с причинением смерти человеку // Российский следователь. 2017. № 14. С. 30-32.

25. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. Т. 1. М.: Проспект, 2015. 792 с.

26. Конджакулян К.М., Зограбян Г.М. Административное правонарушение: общественная вредность или общественная опасность: вопросы соотношения (сравнительное исследование) // Административное право и процесс. 2014. № 7. С. 45-48.

27. Кораблева С.В. Вина как уголовно-правовая категория и ее влияние на квалификацию преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 247 с.

28. Кораблева С.Ю. К вопросу о видах неосторожности в российском уголовном праве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. 2012. № 23 (656). С. 76-80.

29. Кораблёва С.Ю. Понятие вины в российском уголовном праве и её соотношение с иными признаками субъективной стороны преступления // Вестник МГЛУ. 2015. № 24 (735). С. 23-27.

30. Крюков К.Г., Федоров А.Ю. Умысел и его виды в теории российского уголовного права // Совершенствование деятельности ОВД: проблемы, пути решения: сборник научных трудов. Екатеринбург, 2010. С. 29-32.

31. Курс советского уголовного права / Отв. ред. Н.А. Беляев. Т. 1. Часть общая. Л., 1968. 680 с.

32. Лукьянов В. Исключить из УК статью об ответственности за преступления с двумя формами вины // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 17-20.

33. Лунеев В.В. Субъективное вменение. М., 2000. 215 с.

34. Михеев Р.И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1983. 320 с.
35. Нагорная И.И. Неосторожность медицинского работника при причинении вреда здоровью или смерти пациенту // Российский юридический журнал. 2017. № 4. С. 81-90.
36. Найбойченко В.В. Умысел в преступлениях: закон, теория и судебная практика // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 161-165.
37. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т. 1. Общая часть. М.: Юр. лит., 2004. 480 с.
38. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: Изд-во БЕК, 1996. 398 с.
39. Недопекина Т. Проблемные аспекты преступного легкомыслия в правоприменении // Уголовное право. 2009. № 5. С. 52-54.
40. Непомнящая Т.В. Уголовная ответственность за профессиональную неосторожность: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1995. 256 с.
41. Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 380 с.
42. Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 36 с.
43. Никитина Н.А. Преступления с двумя формами вины: автореф. дисс....канд. юр. наук. СПб, 2011. 22 с.
44. Никифоров Б.С. Об умысле по действующему уголовному законодательству // Советское государство и право. 1965. № 6. С. 26-36.
45. Новосельцев С.П. Преступления с формальным составом в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 1998. 215 с.
46. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1987. 797 с.
47. Определение Конституционного Суда РФ от 09.02.2017 г. № 218-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Функа Андрея

Ивановича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

48. Паньков И.В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: теоретический и нормативный аспекты: автореф. дисс...канд. юр. наук. СПб., 2010. 22 с.

49. Паньков И.В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: теоретический и нормативный аспекты: дисс... канд. юр. наук. СПб., 2010. 323 с.

50. Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М. : Госюриздат, 1961. 666 с.

51. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

52. Постановление Президиума Оренбургского областного суда от 05.10.2015 г. № 44У-168/2015 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

53. Потапов Д.П. Содержание интеллектуального момента умышленной вины: дисс... канд. юр. наук. Волгоград, 1992. 175 с.

54. Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве. Саратов, 1987. 205 с.

55. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб: Издательство «Юридический Центр Пресс», 2004. 370 с.

56. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 185 с.

57. Рарог А.И. Общая теория вины в уголовном праве. М., 1980. 186 с.

58. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. 210 с.

59. Стрилец О.В. О качестве и эффективности применения ч. 2 ст. 24 УК РФ // Современные проблемы противодействия преступности: материалы

всероссийской научно-практической конференции (22-23 июня 2010 г., г. Волгоград). Волгоград: ВА МВД России, 2010. С. 319-323.

60. Телкина М.Г. К вопросу об определении понятия вины // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2018. № 9 (54). С. 8-10.

61. Трухин А.М. Интеллектуальный критерий разграничения форм виновности в советском уголовном праве // *Вестник МГУ*. 1976. № 1. С. 79-80.

62. Уголовное дело № 1-197/18 // Архив Федерального суда Автозаводского района г. Тольятти Самарской области.

63. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. В.К. Дуюнова. - М. : РИОР: ИНФРА-М, 2019. 780 с.

64. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Ф.Р. Сундурова, А.И. Тарханова. - М. : Статут. 2016. 620 с.

65. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. 1184 с.

66. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. - М. : Статут, 2012. 879 с.

67. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. А.И. Чучаева. - М. : Проспект, 2015. 704 с.

68. Уголовное право: Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова, Ю.А. Красикова, А.И. Рарога. - М: Юристъ, 1999. 630 с.

69. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // *СЗ РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.

70. Федеральный закон от 25.06.1998 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 1998. № 26. Ст. 3012.

71. Хилюта В.В. Вина в уголовном праве: поиск новой концепции // *Юрист-Правоведь*. 2021. № 4 (99). С. 93-99.

72. Цельникер Г.Ф. Вина в российском праве (общетеоретический и исторический аспекты): дисс... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2004. 265 с.

73. Чанышев Д.А. Вопросы дифференциации вины в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. 25 с.
74. Чельцов М.А. Спорные вопросы учения о преступлении // Социалистическая законность. 1947. № 4. С. 7-15.
75. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М. : Юрайт, 2002. 432 с.
76. Шварц Х.И. Значение вины в обстоятельствах из причинения вреда. М., 1939. 190 с.
77. Ширяев А.Ю. Предметное содержание вины в преступлениях с формальным составом: автореф. дисс....канд. юр. наук. Екатеринбург, 2013. 23 с.
78. Юрчак Е.В Теория вины праве. М. : Из- во Проспект, 2016. 160 с.
79. Юрчак Е.В. Вина как общеправовой институт: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 276 с.
80. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти : ТолПИ, 1998. 230 с.